

ИВАН ШУЙСКИЙ

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

ВЕЛИКИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕРСОНЫ

Великие исторические персоны

Дмитрий Володихин

Иван Шуйский

«ВЕЧЕ»

2012

Володихин Д. М.

Иван Шуйский / Д. М. Володихин — «ВЕЧЕ», 2012 — (Великие исторические персоны)

Князь Иван Петрович Шуйский вошел в анналы русской истории одной-единственной великой победой. Он отстоял Псков, осажденный армией польского короля Стефана Батория. Эта победа была очень нужна России: она в трудное время ободрила русское воинство, павшее духом после нескольких лет тяжелых поражений. Но при всем том не надо забывать, что прежде псковской победы и после нее Иван Петрович отдал немало сил службе московским государям. Множество походов и боев, в которых он принял участие, сделали его одним из опытнейших военачальников своего времени. Биография Шуйского до отказа наполнена звоном мечей, воинскими кличами и пушечным громом. Жизнь его, жизнь аристократа, вельможи, воеводы, позволяет понять, как строились биографии других выдающихся царедворцев и столпов Русской державы.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	28
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Дмитрий Володихин Иван Шуйский

Предисловие

Князь Иван Петрович Шуйский вошел в анналы русской истории одной-единственной великой победой. Он отстоял Псков, осажденный армией польского короля Стефана Батория.

Да, эта победа была очень нужна России. Да, она в трудное время ободрила русское воинство, павшее духом после нескольких лет тяжелых поражений. Да, под стенами Пскова было предотвращено вторжение польских орд в центральные районы Московского государства. Но при всем том не надо забывать, что прежде псковской победы и после нее Иван Петрович отдал немало сил службе московским государям. Множество походов и боев, в которых он принял участие, сделали его одним из опытнейших военачальников того времени. Его судьба – просторное окно, за которым открывается превосходный вид на двадцатилетнее титаническое противоборство России с западными соседями и воинственным Крымом. Биография Шуйского до отказа наполнена звоном мечей, воинскими кличами и пушечным громом.

Иван Петрович был родовитым аристократом. Вельможей. Крупным государственным деятелем.

А что нынче знает образованный русский человек об аристократах времен Московского царства? Чаще всего ум его пленен экзотическим образом «мультишных» бояр, какими их рисовали в советское время: жирные старцы с бородами до колена и горлатными шапками на головах. Неподвижно сидят они, брады устава, спорят о знатности родов да плетут интриги. Ни слова мудрого, ни решительного действия, ни благородного поступка...

Стоит ли говорить, насколько образ этот смехотворен?

И не столь уж важно, какие идеологические цели вызвали его появление в СССР. Гораздо важнее другое. Почему до сих пор многие интуитивно доверяют ему?

Думается, дело в том, что этот размалеванный «плакат для народа» закрывает колоссальную брешь в массовом сознании. Истинных вельмож допетровской Руси не знают, не понимают и даже не чувствуют естественного родства с ними. Как будто они – часть чужой, исчезнувшей без следа, затонувшей какой-то цивилизации!

Генералов, реформаторов, министров императорской России более или менее помнят. А если не помнят, то хотя бы живо интересуются мифами, возникшими вокруг их имен. Вот Меншиков. Вот Столыпин. Вот Горчаков. Вот Аракчеев. Вот Потемкин... А уж о Суворове, Кутузове, Ушакове, Скобелеве и говорить нечего – они вошли во всякий учебник, их образы растиражированы в литературе, живописи и кино.

Неужели при Иване Великом, Иване Грозном, Борисе Годунове, при первых Романовых не было столь же значительных личностей? Вот Пожарский... И что же – пустыня личностей вокруг Пожарского на пространстве в столетие до и после его героической судьбы? Отчего, когда принимаются говорить о XVI веке, поминают святых, книжников и, конечно, государей, а вот сонм недюжинных персон, стоявших у подножия трона, как будто закрыт густым туманом, и не видно лиц, не слышно слов, не разобрать действий?!

Грозненская эпоха – пятьдесят лет! – не один государь Иван Васильевич. Победы его и поражения, блеск его ратей и темень опричнины – результат коллективного действия русской политической элиты. Великое государственное строительство, происходившее в России, совершалось усилиями десятков значительных государственных мужей. Войны того времени, охватившие громадное пространство, выдвигали на театры боевых действий сотни видных военачальников.

Немота величественной эпохи – ложная. Вслушаться в нее, всмотреться в нее, и в неясном гуле голосов различимы станут реплики поистине выдающихся деятелей. Были тогда и свои Потемкины, и Столыпина, и Суворовы. Умные реформаторы, искусные дипломаты, блистательные полководцы. Умели глыбищи сворачивать с исторического пути России...

Князь Иван Петрович Шуйский – один из этих людей. Жизнь его, жизнь аристократа, вельможи, воеводы, позволяет понять, как строились биографии других выдающихся царедворцев и столпов Русской державы.

Глава 1

РОД ПОЛКОВОДЦЕВ И ПРАВИТЕЛЕЙ

По роду своему князь Иван принадлежал к аристократической верхушке старомосковского общества. К тем же «сливкам» русской титулованной знати, что и князья Ростовские, Мстиславские, Микулинские или Воротыньские – величайшие рода Московского царства.

Князья Шуйские были Рюриковичами. Они происходили от ветви, соседствующей с тою, из которой выросло древо Московского правящего дома. Кое в чем они оказались даже выше, нежели государи, которым служил их род. Корнями родословие Шуйских уходило к великому князю владимирскому Андрею Ярославичу. Он приходился *младшим* братом великому князю Александру Ярославичу, прозванному Невским (а именно от Александра Невского произошел Московский княжеский дом). Но на великокняжеский стол во Владимире князь Андрей попал *раньше* старшего брата – в 1248 г. – и правил до 1252 г., когда на его месте оказался Александр Ярославич.

Происходя от одного корня с великими князьями московскими, Шуйские, в случае смерти всех представителей правящей династии, имели право занять трон. Иными словами, играли роль «принцев крови». При сколько-нибудь серьезном династическом кризисе их присутствие следовало брать в расчет как очень серьезный фактор. После смерти царя Федора Ивановича в 1598 г. они оказались в числе главных претендентов на царский венец и активно боролись за него на протяжении Смуты.

Две основные линии Шуйских восходят к Василию Кирдяпе и его брату Семену. Они приходились сыновьями одному из величайших политиков Северо-Восточной Руси XIV столетия, великому князю Дмитрию Константиновичу Суздальско-Нижегородскому¹. Дмитрий Константинович дважды ненадолго занимал владимирский великокняжеский престол и был серьезным соперником Москвы. А само Суздальско-Нижегородское княжество являлось весьма обширным по территории и густо населенным государственным образованием. Оно обладало правом непосредственных сношений с Ордой. В 1347 г. возникла самостоятельная Суздальская епископия. Вторая столица княжества – Нижний Новгород, молодой и быстро развивающийся центр, стал опорным пунктом для экспансии на восток. Там появился каменный кремль, несколько каменных храмов, велось собственное летописание. «Нижний Новгород стал вторым по богатству русским городом после Москвы. В нем поселились ремесленники таких сложных по тому времени профессий, как литейщики колоколов, золотильщики по меди, архитекторы и каменщики. Нижний вел обширную торговлю с Востоком...»² В состав княжества также входил заметный удел с центром в Городце и некоторые другие земли. В 1367 г. местные князья общими силами разгромили орду татарского хана Булат-Темира, вторгшуюся на их земли³. Эта битва – славное предворение общерусской победы на поле Куликовом. Да и разгром Мамаю на Непрядве осуществился с участием суздальской рати. Десятки суздальских бояр сложили головы в Куликовском сражении.

Погубили же сильную державу Суздальско-Нижегородскую нападения татар, да еще распри между Дмитрием Константиновичем и его дерзким, авантюристичным братом Борисом. В

---

¹ Прямой потомок великого князя Андрея Ярославича.

² *Абрамович Г.В.* Князья Шуйские и русский трон. Л., 1991. С. 23.

³ В 1382 г. дети князя Дмитрия Константиновича Василий (по прозвищу Кирдяпа) и Семен поклялись на кресте жителям Москвы, осаждаемым Тохтамышем, что ханское войско, войдя в город, не тронет их. Те поверили и открыли ворота. Произошла резня, город подвергся разорению и сожжению от татар. За братьями Дмитриевичами, предками Шуйских, установилась репутация предателей. Но, как показал историк Г.В. Абрамович, Василий Кирдяпа, видимо, москвичей не обманывал, и виновен лишь его брат Семен. – *Абрамович Г.В.* Князья Шуйские и русский трон. Л., 1991. С. 50–57.

этих распрях приняли участие их дети, вооруженная борьба затянулась на многие годы. Результатом стало подчинение княжества Москве, свершившееся в 1390-х гг., при великом князе Василии Дмитриевиче. Полстолетия расцветало это государство, прежде чем стало частью Московской Руси. На протяжении короткого периода, всего несколько лет, у Нижнего Новгорода был реальный шанс оказаться в фокусе политической централизации Руси и... заменить собою Москву как столицу будущей России. Но к рубежу XIV–XV столетий об этом шансе и помина не осталось.

Держава распалась.

Некоторые признаки самостоятельности сохранили Суздаль и Городец. Там по-прежнему сидели князья из того же старинного рода, постепенно уступавшего свои политические права Москве.

Во второй четверти XV столетия разразилась большая внутренняя война между представителями Московского княжеского дома. Воспользовавшись ею, правнуки великого князя суздальско-нижегородского Дмитрия Константиновича Василий и Федор на время восстановили особое великое княжество в составе Суздаля, Нижнего, Вятки и Городца на правах полной независимости от Москвы⁴. Они поставили на Дмитрия Шемяку, добившегося великого княжения на Москве. Если бы он победил, то в центре Руси появилось бы новое могучее государство, корнями уходящее в XIV в. Но после того, как Дмитрий Шемяка потерпел поражение и возобладал его неприятель великий князь Василий II, проект суздальско-нижегородских князей рухнул. Всякий их «суверенитет» скоро сошел на нет. С начала 1460-х гг. коренной их вотчиной, Суздалем, безраздельно владеет старший сын и наследник Василия II – Иван III. Город просто переходит от одного московского государя к другому по наследству. Иван III раздает жалованные грамоты на села в Суздальском уезде, нимало не стесняясь прежних прав местных князей владеть этой землей. Его сын и внук подтверждают пожалования⁵.

Таким образом, еще в середине XV в. предки Шуйских сохраняли положение самостоятельных правителей. Затем большинство их попало в полную зависимость от Москвы, став «служилыми князьями», но все еще «ставились» московскими великими князьями на управление старинными родовыми землями – Суздалем, Нижним Новгородом, Городцом. Там у них сохранились огромные вотчины.

Впрочем, некоторые представители рода сохранили значительную самостоятельность от великих князей московских. В 50-х – 70-х гг. XV столетия князь Василий Васильевич Гребенка-Шуйский помимо воли московских государей и по приглашению вечевых республик княжил во Пскове и Новгороде Великом. Он даже участвовал в войнах новгородцев против Москвы. Но в целом семейство к концу XV в. перешло на службу к московским государям.

Обыкновенно родовое прозвище «Шуйские» историки связывают с городом Шуей, «тянувшей» в старину к Суздалью. Неизвестно, была ли Шуя когда-либо центром, где имелось собственное княжение – удельный «особый стол» в рамках княжения суздальского, но исключать этого нельзя. Не известно, когда за данным населенным пунктом утвердилось название «Шуя»: к настоящему времени самый ранний источник, где оно найдено, относится к рубежу XV–XVI столетий. Но, по всей видимости, оно закрепилось за городом гораздо раньше, и древняя связь князей Шуйских с этими местами не вызывает сомнений. Под Шуей у них были обширные вотчины, а в самом городе до середины XVII в. они владели дворами⁶. В Николо-Шартомской обители (полтора десятка километров от Шуи) существовала родовая усыпальница князей Горбатов-Шуйских. Монастырь этот уже в первой половине XV в. был весьма

⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. № 40; *Черепнин Л.В.* Русские Феодальные архивы XIV–XV вв. М.-Л., 1948. Ч. 1. С. 130.

⁵ Памятники русского права. М., 1955. Вып. III. С. 233–234.

⁶ *Борисов В.А.* Собрание трудов (материалов) в трех томах. Иваново, 2004. Т. 2. Старинные документы и акты. С. 323–324; *Кабанов А., Семенов А.* Ивановский край в Смутное время. Иваново, 2010. С. 164–165.

значительным, настоятель его носил сан архимандрита. В 1553 г. тамошние инок сообщали в Москву, что владеют деревнями при селе Горицком по завещанию князей Дмитрия и Василия Ивановичей Горбатов-Шуйских, «...да легли... князь Дмитрей и князь Василей у Николы Чудотворца на Шартоме в их монастыре, и из старины... все их прародители у Николы Чудотворца в их монастыре кладутся»⁷. Те же Горбатов-Шуйские еще в 1535 году владели селом Дунилово недалеко от Шуи⁸. А «прародитель» ветви Горбатов в семействе Шуйских, князь Иван Васильевич, еще в 1449 г. получил от Василия II «...в вотчину и в удел» Городец и обширные территории в Суздальской земле, в том числе, видимо, и под Шуйей⁹. Слова «в их монастыре» дают основание предполагать, что Николо-Шартомская обитель была основана кем-то из рода суздальско-нижегородских князей и могла играть для них роль семейного богомолья.

При Иване III Великом и его сыне Василии III из этого рода рекрутировались дипломаты, наместники и воеводы. Со стороны великих князей московских им оказывалось большое доверие. В 1512 г. князь Василий Васильевич Шуйский входит в Боярскую думу с чином боярина. Более того, этот видный политик породнился с правящей династией, женившись на внучке Ивана III. Иными словами, великие амбиции потомков суздальских правителей не мешали им быть прочной опорой Московского государства.

Князья Шуйские при Иване IV имели чрезвычайно высокий статус. Да и позднее сохраняли его – вплоть до восшествия на престол государя Василия Ивановича из их рода, процарствовавшего с 1606 по 1610 г. Они всегда были у кормила важнейших политических дел. Они неизменно присутствовали в Боярской думе.

За Шуйскими в популярной исторической литературе утвердилась недобрая слава дворцовых интриганов, лукавых и себялюбивых вельмож. В них многие видели и до сих пор видят вечных зачинщиков «боярской фронды». Людей, метавшихся между стремлением ослабить русского монарха и самим захватить монарший трон.

Это мнение однобоко. Да, конечно, Шуйские просто по положению своему должны были участвовать в интригах у подножия российского трона. Там, на высоте власти, слабые и бездеятельные личности не задерживались надолго. А многолюдное могучее семейство Шуйских оставалось на высшем этаже отечественной политики в течение века! Однако следовало бы обратить внимание и на другое обстоятельство. Шуйские превосходно проявили себя в служебной деятельности. Из них выходили энергичные администраторы, искусные и отважные воеводы. Во времена Ивана Грозного помимо князя Ивана Петровича Шуйского в армейскую элиту Московского государства входили также князья Иван Андреевич, Иван Михайлович и Петр Иванович Шуйские, а также их ближайший родственники князья Александр Борисович Горбатый-Шуйский, Федор Иванович и его сын Василий Федорович Скопины-Шуйские. *Это была семья «командармов»*. На Шуйских легло тяжкое бремя постоянного участия в военных предприятиях России. Они свое высокое положение «отслужили» полностью. Убери их деятельный клан из командного состава вооруженных сил нашей страны, и сейчас же образуется громадная брешь, которую очень трудно закрыть. А в эпоху русской Смуты начала XVII в. именно из этого семейства вышел знаменитый полководец князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский.

В роду Шуйских сохранялись предания о прежних воинских достижениях, о битвах и походах, и хоругвях, победно реявших над шеломами их предков. И еще – об их полной государственной независимости, от которой середину XVI в., когда родился главный герой этой книги, отделяло всего два-три поколения...

---

⁷ Борисов В.А. Собрание трудов (материалов) в трех томах. Иваново, 2004. Т. 2. Старинные документы и акты. С. 291–292.

⁸ Шаповал В.Г. Горицы. Дунилово. История, предания, современность. Шуя, 2011. С. 9.

⁹ Черепин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.-Л., 1948. Ч. 1. С. 147–148.

Глава 2

БЛИЖАЙШАЯ РОДНЯ

Дед князя И.П. Шуйского, Иван Васильевич, был крупным военачальником. Как полковой воевода он известен с 1502 г., и служит на разнообразных воеводских должностях до 1530-х гг. Иначе говоря, к исходу правления Василия III в руководстве русской армии он должен был считаться настоящим ветераном. В разное время Иван Васильевич наместничал в Рязани, Пскове, Смоленске, на Двине и даже в самой Москве, занимал пост углицкого дворецкого, а также – не позднее 1531 г. – заслужил боярский чин. Скончался князь Иван Васильевич 14 мая 1542 г.¹⁰ Возможно, он успел познакомиться с внуком-младенцем... или же ушел из жизни незадолго до его рождения.

Кем был Иван Васильевич на подмостках той бурной эпохи? Самая правильная оценка – один из вельмож, один из могущественных людей... Главная фигура при дворе в относительно краткий период с конца 1538 г. по середину 1540 г. Именно тогда князь получил пышный, специально для него выдуманный титул «московского наместника». И далеко не первое лицо – в русской армии первой половины XVI столетия. Очень крупный администратор, он получал более значительные должности по управлению городами и областями, нежели полками и армиями.

Краткий портрет деда нашего героя будет неполон, если не упомянуть, что у него был знаменитый брат. Он-то как раз оказался в числе первых лиц того времени. О троне и помышлять не мог, но при дворе и в армии значил весьма много, а потому имел возможность влиять на судьбы страны. Итак, Василий Васильевич Шуйский по прозвищу Немой, старший брат Ивана Васильевича. Много лет он провел в Новгороде Великом как наместник великого князя, вел переговоры с соседями, ходил в походы полковым воеводой... В 1510-х гг. Василий Васильевич обретает особое доверие своего «тезки», великого князя Василия III. Теперь ему поручают уже не полки, а целые полевые соединения. Несколько раз он водил армии на Литву, и о двух его походах под Полоцк будет рассказано в следующей главе. В 1523-м он же возглавил «судовую рать» в походе к Нижнему Новгороду, а после этого несколько раз становился первым лицом во время оборонительных операций на «татарском фронте». Это, можно сказать, испытанный «командарм» Василия III. На протяжении нескольких лет он фактически является полководцем номер один во всей России. Рисуя положение князя В.В. Шуйского при дворе, историк А.А. Зимин обратил внимание на два показательных факта: «В.В. Шуйский считался наместником Владимира. Это было одно из наиболее значительных придворных званий. В февральском боярском приговоре 1520 г. по делу о краже он назван среди бояр первым»¹¹. Опалы не миновали этого человека, но он быстро оправлялся от государевой немилости и восстанавливал высокое положение. Умер Василий Васильевич осенью 1538 г.

В семье, очевидно, его имя не раз поминали в связи с феноменальным взлетом служилой карьеры князя В.В. Шуйского. Дед героя этой книги ненадолго стал брату ровень. А вот отцу его не суждено было подняться столь же высоко. Ему... чуть-чуть не хватало. Но, надо полагать, мечтания сравняться с Василием Васильевичем посещали младшую его родню. Ивану Петровичу в последние годы жизни удастся приблизиться к уровню великого родича. Но жела-

---

¹⁰ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 72.

¹¹ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 71.

ние управлять державой, как управляли ею недолгое время¹² дед и особенно брат деда, все-таки не осуществится, да еще и приведет к печальным последствиям.

Финал у предков и потомка будет разный: Василий Васильевич скончался в апогее славы и влияния, Иван Васильевич также сошел в могилу с великой высоты, а Иван Петрович скверно окончил свои дни, как тогда говорили, «нужной», т. е. насильственной, смертью...

Отпрыск Ивана Васильевича, Петр Иванович, родился, предположительно, около 1520 г.¹³ Как военачальник молодой князь появляется в источниках летом 1539 г. – на скромном посту головы в оборонительном походе русской армии под Коломну¹⁴. Он действовал со своим отрядом в районе Зарайска.

В период «боярского царства» при малолетстве великого князя московского Ивана Васильевича он становится серьезной фигурой (хоть и молодой человек!). В 1542 г. его рейд из Владимира в Москву с тремя сотнями служилых людей решил судьбу противоборства между придворными партиями Шуйских и Бельских: последние потерпели поражение. Не зря в 1545 г., когда период господства Шуйских минул, на Петра Ивановича была наложена монаршая опала... Впрочем, из числа опальных он быстро выбыл. Уже в 1547 г. князь получает воеводское назначение, затем становится наместником во Псков, выполняет такие поручения царя, которые говорят об очень высокой степени доверия. Так, именно он доставил в Москву князей Глинских – родичей самого монарха по материнской линии, пытавшихся бежать за Литовский рубеж. Немудрено, что в 1550 г. Петр Иванович становится боярином, добыв, таким образом, высший чин в московской служебной иерархии. В конце 1540-х – 1550-х гг. он сыграл ключевую роль при завоевании Казанской земли и усмирении первых мятежей против русской власти. Зимой 1547/48 г. князь возглавил передовой полк в походе против казанцев, а в 1552-м, при взятии Казани, он отвечал за боевое охранение русских позиций¹⁵. Затем на протяжении нескольких лет Петр Иванович являлся главным управителем всех казанских и «черемисских» дел.

В первые годы Ливонской войны он получает значение одного из ведущих полководцев на этом театре военных действий. В 1558 г. Петр Иванович командует русской армией в Ливонии, берет города, действует в высшей степени удачно. Именно он взял Юрьев, а подчиненные ему военачальники вступили в Раковор (Везенберг). За это князь и младшие воеводы удостоиваются от Ивана IV «великого жалования». Осенью 1558 г. царь принял их в Троице-Сергиевой обители. Там он «...жаловал их любовными и приветными словесы... их праведную прямую службу похваляя и жалование великое им обещая, и велел им ехать за собою в село свое в слободу Александровскую. И в слободе государь бояр и всех воевод пожаловал шубами и кубки и аргамаки и кони и доспехи давал им и землями и кормлением их довольно пожаловал, и во всем им свое великое жалование показал»¹⁶.

Во время большого и весьма успешного похода на ливонские земли (1560) Петр Иванович является ближайшим помощником другого крупного военачальника – князя Ивана Федоровича Мстиславского. Тогда наши полки взяли Феллин (Вилиян, Вильянди) и также несколько меньших крепостей, а также взяли в плен бывшего орденского магистра В. Фюрстенберга.

---

¹² Об этом – ниже.

¹³ *Солодкин Г.Я.* Князь П.И. Шуйский – герой и неудачник Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М., 2010. С. 269.

¹⁴ *Милоков П.Н.* Древнейшая разрядная книга официальной редакции. – М.: 1901. С. 106.

¹⁵ *Милоков П.Н.* Древнейшая разрядная книга официальной редакции. – М.: 1901. С. 123, 157.

¹⁶ Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 274.

При «полоцком взятии» 1563 г. Петр Иванович был вторым воеводой большого полка. Следовательно, на правах своей высокой должности он входил в состав высшего руководства победоносной армии. Затем князь был оставлен командовать гарнизоном полоцкой крепости.

К несчастью, блестящая его карьера закончилась трагически. В 1564 г., наступая на Оршу, московские полки подверглись страшному разгрому у селения Чашники. Уставшие после трехдневного марша, не выставившие дозоров, русские полки получили неожиданный удар от литовцев в лесных теснинах. Передовые силы русских, не успев надеть доспехи и завершить боевое построение, оказались разбиты. Пало порядка 700 наших дворян, князя С.Д. и Ф.Д. Палецкие. Петр Иванович был тогда главнокомандующим. Поражение бросило тень на его имя: князь П.И. Шуйский, сбитый с коня, «...з дела пеш утек и пришел в литовскую деревню; и тут мужики его ограбя и в воду посадили»...¹⁷ Однако это бесчестие никак не лишает князя славы всех предыдущих его побед. Даже торжествующие победители понимали это: убийц Петра Ивановича казнили, а тело его с честью похоронили в Вильно, близ погребения Елены Ивановны, – жены короля Александра Ягеллона и дочери великого князя Ивана III¹⁸. Литва и Ливония помнили его как умелого и энергичного полководца.

Таким образом, будущий защитник Пскова мог получать знания от отца, деда и его брата – крупных военачальников своего времени. Это очень важно для понимания того, как складывалась его личность. Ивану Петровичу было у кого поучиться воинскому искусству: ближайшая родня всю жизнь воевала и управляла людьми. Конечно, роль главного «преподавателя по тактике» сыграл отец князя Ивана. Старшие представители этой ветви Шуйских вряд ли успели вложить сколько-нибудь обширные знания в голову маленького мальчика. Но отца-то его натаскивали в воеводском деле именно они. А от Петра Ивановича к отроку могло перейти много полезного помимо славных преданий о великих предках.

В XVI в. не существовало каких-либо военных училищ. Ни средних, ни высших. По давню и речи не шло о создании какой-нибудь академии генштаба. Главной школой полководца оказывалась его собственная семья. Чем выше стояли родственники в военной иерархии, тем больше он мог получить от них тактического и стратегического опыта с верхних эшелонов командования. Они обороняли крепости, значит, и он мог узнать от них, как надо оборонять крепости. Они били врага в чистом поле, так и ему доставались знания о том, как бить врага в чистом поле. Они брали штурмом города – следовательно, и он обретал полезные сведения о том, каково быть «градоемцем». С этой точки зрения род Шуйских представлял собой лучшую «академию Генштаба» изо всех возможных в России того времени.

И еще одно: в отношении литовцев у него появился личный счет. В ту пору физическое уничтожение служилого аристократа, тем более «командарма», выходило далеко за пределы нормы в ходе боевых действий. Таких людей отдавали за выкуп, меняли на других знатных пленников, возвращали домой по условиям мирного договора... только не губили. А Петра Ивановича жестоко убили, и это должно было вызвать мысли о мести у его сына. Конечно, почести, оказанные литовцами телу П.И. Шуйского, и казнь его убийц могли бы смягчить сердце Ивана Петровича. Но это благородство победителей было перечеркнуто тем, что Ивану Петровичу и его брату Никите впоследствии не позволили забрать прах родителя на родину¹⁹.

---

¹⁷ Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 190.

¹⁸ Солодкин Г.Я. Князь П.И. Шуйский – герой и неудачник Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М., 2010. С. 272–273.

¹⁹ Солодкин Г.Я. Князь П.И. Шуйский – герой и неудачник Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М., 2010. С. 273.

Дата и год рождения самого князя Ивана Петровича Шуйского неизвестны. Их можно приблизительно установить по свидетельствам «Дворовой тетради», «Тысячной книги», а также данных воинского делопроизводства того времени о первых его служебных назначениях.

Осенью 1550 г. вышел указ о пожаловании поместьями под Москвой 1078 служилых людей. Князь должен был по роду и положению своему туда попасть, если бы подходил по возрасту, а служить тогда начинали лет с пятнадцати; но его имени нет в «Тысячной книге» – списке этих помещиков. Следовательно, он родился не ранее 1536 г. Список людей, имевших служебное отношение к Государеву двору – «Дворовая тетрадь», – составлен был скорее всего в 1551 или 1552 г. и оставался действующим документом, куда заносили новые имена на протяжении 50-х годов. Иван Петрович в нем числится как дворовый сын боярский по Суздалью. Первые его службы известны по 1562 г. Это может свидетельствовать о том, что родился он, скорее всего, где-то между 1536 и 1545 гг. Скорее всего в первой половине 1540-х: на должность, полученную им в 1562-м, ставили, как правило, людей молодых, занять ее в 25 или 26 лет – поздновато. Точнее определить трудно: даже у тех, кто был в XVI столетии крупнейшими фигурами в русской политике или военном деле, даты рождения в большинстве случаев неизвестны.

Из ближайшей родни у князя Ивана был еще младший брат Никита. О нем почти ничего не известно. По всей видимости, он ушел из жизни еще молодым человеком, не совершив заметных деяний и не достигнув высоких чинов. К концу 1560-х он уже достиг совершеннолетия, поскольку мог вместе с братом обратиться к царю с прошением об обмене тела отца, оставшегося на чужбине, на тело жены полоцкого воеводы, плененной в 1563 г. и умершей в России. А в 1571 г. он погиб во время грандиозного пожара Москвы, зажженной крымскими татарами. Предполагают, что среди дыма и пламени с ним свели счеты давние недоброжелатели²⁰. По сообщению Пискаревского летописца, когда князь Н.П. Шуйский въехал в ворота на Живой мост «и стал пробиваться в тесноте вон», его заколол некий человек князя Татеева²¹. Непонятно, участвовал ли Никита Петрович в обороне Москвы: воинский разряд не упоминает его среди воевод оборонительной рати. Но князь мог занимать и более скромный пост, ниже воеводского. Гипотетически можно высчитать дату рождения Никиты Петровича: приблизительно в начале 1550-х, не позднее 1554 г.

О жене князя Ивана не удалось найти никаких известий, помимо того, что звали ее Марьей и умерла она в феврале 1586 г. По душе ее И.П. Шуйский сделал вклад в кремлевский Чудов монастырь – дорогой кубок из серебра с позолотой²². Брак остался, вероятнее всего, бездетным, или отпрыски Ивана Петровича умерли в раннем возрасте: родословия Шуйских на нем завершают эту ветвь семейства.

Между гипотетически вычисленным временем рождения И.П. Шуйского и сведениями о первых его службах не обнаруживается никаких данных по биографии князя. Полный туман.

Как представитель военно-служилого класса, он должен был получить навыки верховой езды и обращения с оружием. Как православный христианин – научиться основам веры: молитвам и «закону Божию». Как человек исключительной знатности, он перенял от родни приемы управления людьми, а также знания, связанные с родословием знатнейших семейств царства и положением дел при дворе. Надо полагать, он знал, кто силен, а кто слаб на Москве, с кем следует ему дружить, кому оказывать почтение, кто является врагом семейства, а кто еще никак

---

²⁰ Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 91.

²¹ Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. С. 191.

²² Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585–1586 гг. М., 1996. С. 44–45. Во вкладной книге обнаруживается формулировка: «Дал вкладу... по семье своей, по княгине Марье...»

не проявил себя в мутных водах придворных интриг. Возможно, достался Ивану Петровичу и золотой сок книжной премудрости: для русской аристократии XVI столетия широкие книжные знания – не диво. Отец его общался с Максимом Греком, великим ученым мужем²³. Так, может быть, и сын оказался не чужд истории, риторике или, скажем, богословия... Вот и всё, что можно сказать о нем более или менее уверенно.

Гораздо больше известно о роде Шуйских. Судьба всей фамилии самым прямым и непосредственным образом должна была сказаться на судьбе молодого человека, будущего полководца.

И как на времени этом, с середины 1530-х по вторую половину 1540-х годов, стоит остановиться подробнее. Историки порой называют его «боярским царством». И внутри эпохи «боярского царства» отмечают несколько периодов, называемых иногда «правлением Шуйских». Это значит, что семейство Шуйских, богатое, влиятельное, разветвленное, окруженное могучей родней и союзниками, фактически руководило государством. Как минимум оказывало мощное воздействие на ход государственных дел.

За эпохой «боярского царства» потянется длинный шлейф последствий, так или иначе затрагивающих жизнь Ивана Петровича.

---

²³ *Спицына Н.В.* Максим Грек в России. М., 1977. С. 148, 155.

Глава 3

«БОЯРСКОЕ ЦАРСТВО» И «ПРАВЛЕНИЕ ШУЙСКИХ»

В конце 1533 г. скончался государь Василий III, и на великом княжении осталась его вдова Елена Глинская – регентша при малолетних детях Иване и Юрии. Трудно сказать, сколь плотно она контролировала правительственную деятельность. Ясно, что роль придворных боярских «партий» возросла.

Великой княгине пришел черед расставаться с жизнью весной 1538 г. Старшему ее сыну Ивану к тому времени еще не исполнилось и восьми лет...

Сразу после этого власть целиком и полностью перешла к аристократическим группировкам. Они безраздельно господствовали у кормила правления до середины 1540-х гг. Причем время от времени в придворной борьбе одерживала верх партия Шуйских, главенствовавшая над прочей русской знатью. Затем молодой монарх Иван Васильевич принялся постепенно, очень медленно, прибирать власть к рукам. Что-то из «дел правления» перешло к нему уже в 1547-м, когда он венчался на царство. А что-то оставалось прерогативой Боярской думы и служилой аристократии до начала 1560-х.

Процесс перехода полномочия от высокородной знати, от «княжат» к монарху, растянулся надолго и шел весьма болезненно...

Князь Иван Петрович Шуйский провел эру «боярского царства» в младенчестве. Он тогда по возрасту не мог играть никакой роли в политической борьбе. Но позднее, подходя к возрасту зрелости, надо полагать, внимательно слушал рассказы взрослых о недавнем прошлом. В семье должны были вспоминать время «боярского царства» как настоящий золотой век для Шуйских. А возмужание великого князя Ивана с необходимостью привело к столкновению между ним и Шуйскими. И отношение к монаршей особе в этом роду сложилось, надо полагать... далекое от трепетного.

Если ограничить эпоху «боярского правления» годами с 1533-го по 1547-й (в реальности она длилась несколько дольше), то именно в это время на политической арене выступало сразу несколько ярких политических деятелей из рода Шуйских.

Выше уже говорилось о князе Петре Ивановиче, отце героя книги. Он активно участвовал в интригах, но счастливо пережил охлаждение между молодым государем и своим семейством, а потом честно служил державе до седых волос, до страшной своей гибели. Но Петр Иванович оказался в кипящем котле аристократической смуты далеко не главной фигурой. А вот его ближайшие родичи – да, один за другим примеряли наряд «примы» в перипетиях «боярского царства».

Тот же Василий Васильевич Шуйский оказался единственным из бояр Василия III, кому при Елене Глинской «...удалось не только упрочить свое положение... но и занять одно из первых мест при дворе юного Ивана IV... неоднократно на приемах крымских и литовских посланников в Кремле речь от имени юного государя произносил боярин князь В.В. Шуйский. Князь Василий первенствовал и на ратном поприще...»²⁴ Его брат Иван выполнял ответственные поручения самой регентши Елены Глинской при дворе Старицких удельных князей. Великая княгиня Шуйским доверяла.

---

²⁴ Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. М., 2010. С. 141–142.

По словам советского историка А.А. Зимина, Василий Васильевич Шуйский «...был одним из виднейших деятелей боярского правительства 1538 г. Летом этого года он женится на дочери царевича Петра (внучке Ивана III), закрепляя родственные узы с правящей династией. Его дочь была замужем за кн. И.Д. Бельским»²⁵. Скупые строки, но информация к размышлению огромная! Два этих брака представляют собой два сильнейших хода в большой политической игре.

Итак, первый брак соединил два самых знатных и могущественных семейства Рюриковичей в России: Шуйских, т. е. потомков государя Андрея Ярославича, и московских Калитичей, т. е. потомков Александра Невского. Кроме того, «царевич Петр», давно скончавшийся отец невесты, был знатнейшим чингизидом из рода казанских ханов, до крещения он носил имя Худай-Кул. Таким образом, от этого брака должен был родиться ребенок *очень высокой крови*. И у Шуйских появился бы собственный кандидат на Великое княжение Московское, вполне законный. Он был бы первейшим претендентом на престол... исчезни вдруг малолетние дети, оставшиеся от двух мертвецов – Василия III и Елены Глинской, а затем и представитель боковой ветви московского княжеского дома – князь Владимир Андреевич Старицкий. Если бы к моменту заключения этого брака Василий III или хотя бы его вдова оставались в живых, то они, разумеется, ни при каких обстоятельствах не допустили бы составления столь опасного альянса! Что же касается Владимира Андреевича, то этот пятилетний мальчик, оставшийся без отца, находился тогда в заключении. Подобную, весьма слабую, фигуру не составляло особого труда быстро «снять» с доски большой политики...

Но родилась девочка, нареченная Марфой. Эта безобидная малышка одним фактом своего существования представляла серьезную угрозу для московского монарха, мальчика-сироты Ивана IV.

Второй брак продолжал большую династическую комбинацию, затеянную Шуйскими: осенью 1554 г. Марфа Васильевна была отдана за князя Ивана Дмитриевича Бельского. В представителях семейства Бельских также текла «царственная кровь» – они были высокородными потомками государя литовского Гедимина. Более того, в 1498 г. Иван III выдал свою племянницу рязанскую княжну Анну Васильевну за князя Фёдора Ивановича Бельского, и жених Марфы Шуйской приходился ему внуком. Выходит... Бельские были и Гедиминовичами, и Рюриковичами, да еще и приходились близкой родней московской монаршей династии. Иначе говоря, достаточно знатными людьми, чтобы в случае династического кризиса претендовать на русский или же литовский престол. Бельские одно время являлись упорными соперниками Шуйских в борьбе за контроль над властью в годы «боярского правления». Этот исключительно богатый и влиятельный род сконцентрировал вокруг себя другую сильную придворную «партию»... К середине 1550-х настало время окончательно примириться и объединить силы двух блистательных семейств. Иван IV к моменту заключения этого брака уже был взрослым человеком, обзавелся наследником²⁶. Казалось бы, теперь никто не мог легко и просто избавиться от него – как в те годы, когда он, по малолетству, полностью зависел от служилой знати, окружавшей трон. Но за год до свадьбы Ивана Бельского и Марфы Шуйской венценосец серьезно захворал. Разразившийся вследствие его тяжелой болезни кризис показал: судьба династии висит на волоске. Сын царя, сущий младенец, в случае смерти родителя – не претендент... Выходит, сын Ивана Бельского и Марфы Шуйской мог бы оказаться живым поводом для очень серьезного династического проекта. Этого не произошло только по одной причине: в 1571 г. князь Иван Дмитриевич погиб за отечество, защищая Москву от татар, и на нем род

²⁵ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 71.

²⁶ В 1553 г. погиб его первенец, царевич Дмитрий, но в 1554 г. родился второй сын, царевич Иван.

Бельских извелся. Желанный – очень желанный! – плод матримониальной комбинации то ли так и не появился на свет, то ли умер в младенчестве.

По уровню продуманности двух этих браков очень хорошо видно: Шуйских, вставших у самого подножия трона, фактически правивших страной, волновало тайное желание преодолеть последний шаг, отделявший их от монаршего венца! Занять престол *кем-то из своих*. Мечтание о монаршей власти, как видно, играло роль бродильного вещества, постоянно возбуждавшего опасные помыслы в их роду...

Еще одну представительницу их семейства попытаются выдать замуж «с дальним прицелом». Однако эта история касается другого времени и самым непосредственным образом скажется на судьбе князя Ивана Петровича Шуйского. Если сравнивать брачный проект с ружьем – пищалю, если угодно, – обретающимся на стене боярского терема, то он должен в конце концов «выстрелить» заранее просчитанными последствиями. Две серьезных попытки Шуйских за счет хитро задуманных браков поднять статус рода не увенчались успехом. Но... если бы немного удачи... или, точнее, несколько больше расположения Божьего... как знать, не утвердилась бы эта династия на престоле государей российских.

Матримониальное комбинирование на таком уровне – очень опасная игра. Шуйские сделали в ней одну ставку, другую... и в семействе, надо полагать, сильны окажутся сожаления: мол, чуть-чуть не получилось. Взрослея, Иван Петрович будет слышать от отца и его родни туманные намеки в духе: «Могло бы повернуться иначе». Оказавшись во главе фамилии, он, в духе семейной традиции, сочтет возможным присоединиться к самой важной матримониальной комбинации в своей жизни. Иначе говоря, сделает еще одну рискованную ставку. И «пищаль»... выстрелит. Вот только не в ту сторону, куда ее попытаются направить Шуйские. Этот выстрел погубит и самого Ивана Петровича, и других видных фигур в его роду. Почему так получится? Да попросту *в этом семействе считалось, что подобные эксперименты позволительны*. Что они – часть семейной стратегии выживания. И ум Ивана Петровича в решающий час не воздвигнет перед его волей нравственного запрета. «Раз предки мои так поступали, отчего мне так не поступить?»

Темное пламя прошлого, отпылавшее задолго до того, как главный герой этой книги вошел в возраст зрелости, отбрасывает тень на его судьбу.

Князя Шуйские были сильны еще при Елене Глинской, а впоследствии они дважды становилась ведущей политической силой державы: с середины 1538-го до середины 1540 г. (затем их потеснили князя Бельские), а также в 1542–1543 гг.²⁷ (с меньшей степенью преобладания при дворе). Если использовать современную терминологию, то они оказывались в роли «правящей партии». Их своеволие отнюдь не ограничивалось брачными авантюрами. Род изрядно обогатился, обеспечил главным своим представителям высокие чины, нанес тяжелый ущерб своим неприятелям – вплоть до физической расправы. Однако отнюдь не та линия в семействе Шуйских, которой принадлежит Иван Петрович, отец его Петр Иванович, дед Иван Васильевич и брат деда Василий Васильевич, оказалась в наибольшей степени покрыта скверною Смутного времени.

Эта сомнительная «честь» досталась другой линии в роду Шуйских, весьма многолюдном и разветвленном. Разные «ветви» родословного древа Шуйских порой расходились весьма далеко, однако знание и живое чувство общего родства не покидало семейства. Шуйские держались друг за друга, вместе переживали опалу, вместе боролись за возвышение. Подобное поведение являлось общим законом для всей служилой знати Московского государства, и князья Шуйские не составили исключения. Просто к их административным и военным способно-

---

²⁷ Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. М., 2010. С. 104, 109, 141–142, 230–288.

стям добавлялся родовой дар к придворной интриге. Среди них встречались великие мастера интриги, люди расчетливые, волевые, дерзкие.

Так вот, у героя этой книги был родич, относящийся к этой поросли. Ему не хватало осторожной «стратегической» мудрости князя Василия Васильевича, не отличался он и выдающимися полководческими способностями, но в роли большого интригана нашел и великую славу, и страшную гибель. Мудрено объяснить, сколь сложные родословные «нити» связывали его Иваном Петровичем, агукавшим в пленках, когда политическая деятельность этого человека вышла в зенит и трагически оборвалась... Скажем так: прапрадед младенца приходился младшим братом деду сего буйного интригана. Звали его князь Андрей Михайлович Шуйский Честокол, и память о нем осталась в роду очень долгая, вот только не особенно добрая.

В силу принадлежности к «старшей ветви» семейства князь Андрей к началу 1540-х оказался главой рода. Дед и отец героя этой книги уступали ему в родовитости. Но высота положения, как видно, создала у Андрея Михайловича ощущение полной безнаказанности. Как пишет историк Г.В. Абрамович, «...особого внимания заслуживает Андрей Михайлович, политический авантюрист и безудержный стяжатель, деятельность которого легла темным пятном на историю знаменитого княжеского рода»²⁸. После кончины Василия III он ввязался в заговор претендента на трон, удельного князя дмитровского Юрия, и оказался в тюрьме. Несколько лет спустя его вызволила оттуда младшая родня – князь Василий Васильевич. И вот тогда бывший узник «расцвел» по-настоящему. Псковичи, знавшие его как наместника, в летописи своей назвали его «злодеем» и охарактеризовали как бешеного мздоимца. Затем он на пару с И.В. Шуйским свел в могилу князя Ивана Бельского, политического противника. А по сообщениям летописи, не дошедшей до наших дней, но известной по пересказу, сделанному М.М. Щербатовым²⁹ в его «Истории Российской», князь А.М. Шуйский своим корыстолюбием поражал современников. Вот характерный отрывок, рассказывающий о правительственной деятельности Андрея Михайловича: «...грабеж и насильное отнятие продажею за малую цену земель у благородных и общее разорение крестьян взятием великого числа подвод из сел и деревень по пути лежащих, когда кто к нему из его деревень ехал или кто от него в деревни отправлялся, так что уповательно и все припасы его, к облегчению его крестьян, ко отягощению же его народному, на таковых взимаемых насильно лошадях наживались». Мало того, митрополит Московский Макарий, глава Русской Церкви, подвергся унижительным оскорблениям от Андрея Михайловича и его сторонников: на Макарии прилюдно «изодрали» одежды. Впрочем, тут князь Андрей следовал дурной семейной традиции: Шуйские вели себя по отношению к Церкви с крайней бесцеремонностью. Именно они «свели» с престола неугодного им митрополита-книжника, великого ученого мужа Даниила, а потом заставили сойти с кафедры митрополита Иоасафа. Причем главной фигурой в позорных противоцерковных делах являлся князь Иван Васильевич Шуйский. Не столь важны *тактические* причины, по которым это семейство ополчалось то на одного митрополита, то на другого, то на третьего. В сущности, для этого существует одна *стратегическая* причина: в главном архиерее Русской Церкви они видели всего лишь одного из игроков на поле большой политики. И если очередной ход этого игрока чем-то угрожал роду, то Шуйские начинали действовать против него решительно и безжалостно. Священный сан митрополичий нимало их не останавливал и не вызывал почтения.

Впоследствии служилые русские аристократы устами князя-перебежчика Курбского примуться корить Ивана IV, дескать, как мог он с такой жесточью, с таким неуважением относиться к духовенству?! Но ведь научили-то державного мальчика подобному отношению взрослые дяди с княжеским титулом и боярским чином... Именно они унижали главу Церкви на глазах ребенка... И в первую очередь – Шуйские.

²⁸ Абрамович Г.В. Князья Шуйские и русский трон. Л., 1991. С. 80.

²⁹ Русский историк XVIII столетия.

Очень хорошо и славно, что действия против законных митрополитов не стали гордостью рода: видимо, Шуйские понимали всю греховность своих поступков. Поэтому жутковатый опыт деда, Ивана Васильевича, и другого старшего родича, Андрея Михайловича, не передался впоследствии Ивану Петровичу. Надо полагать, в семье не любили разговаривать на подобные темы.

За весь род поплатился Андрей Михайлович. Во-первых, из-за того, что был в наибольшей степени дерзок, неукротим и корыстолюбив. Во-вторых, братья Васильевичи – дед центрального персонажа этой книги и брат деда – уже покинули олимп власти для того, чтобы дать отчет Небесному Судии. К 1543 г. Андрей Михайлович выглядел опаснейшим из Шуйских, всё еще принимающих участие в разделе власти. Ему и досталась горькая доля...

Летопись сообщает о его смерти следующее: «Тоя же зимы декаврия 29 [1543] князь велики Иван Васильевич всея Руси не мога терпети, что бояре безсчинье и самовольство чинят без великого князя веления, своим советом единомысленных своих советников многие убийства сотвориша своим хотением, и многие неправды земле учиниша в государеве младости. И велики государь велел поимати первого советника их князя Ондreja Шюиского и велел предати его псарем. И псари взяша и убиша его влекущее к тюрьмам против ворот Ризположенских в городе»³⁰. Сторонники и родичи князя Андрея испытали на себе опалу, отправились в ссылки. Летопись добавляет: «И от тех мест начали бояре от государя страх имети»³¹.

Что произошло в реальности? Мнения исследователей разделились.

Некоторые из них уверены в том, что великий князь московский Иван Васильевич, он же тринадцатилетний отрок, сызмальства проявлял крутой нрав, да и развивался весьма быстро. Следовательно, можно принять летописное известие за чистую монету: эмоциональная вспышка государя поставила последнюю точку в биографии А.М. Шуйского.

Другие считают, что Андрея Михайловича, зарвавшегося и потерявшего стыд, а заодно и здравый смысл, остановили другие служилые аристократы, действуя руками отрока-государя.

Наконец, сторонники еще одной позиции, думается, наиболее близкой к истине, трактуют гибель Андрея Михайловича как очередной раунд в борьбе аристократических кланов за власть. Князь А.М. Шуйский был не только человеком сомнительной нравственности, но еще и персоной слишком самоуверенной и слишком недалководидной. Плетя интриги, он не учел, что высокое положение Шуйских при дворе изрядно надоело другим «игрокам». И... подставился. А потом уже, через много лет, задним числом, его падение представили как свидетельство возмужания монарха. Между тем Андрей Михайлович и его род вызывали неприязнь или же просто откровенно враждебные чувства и у митрополита, и у могущественных Бельских, и у Старицких (Шуйские присвоили их казну и иное имущество), и у Воронцовых, жестоко оскорбленных Шуйскими, и у иных старомосковских боярских семейств, чьи возможности возвышения сократились. Несколько могущественных фамилий договорились между собой, возможно, даже получили на свои действия формальное разрешение молодого и вспыльчивого монарха, а потом несколькими решительными ударами разгромили «партию Шуйских».

Юный Иван Васильевич, как видно, начал тяготиться навязчивым «опекунством» со стороны Шуйских. И соблазнительное предложение их врагов показалось ему полезным.

Много лет спустя в первом послании Ивана IV беглому князю Андрею Курбскому (1564) фамилия Шуйских получила уничтожающую характеристику: «...князья Василий и Иван Шуйские самовольно навязались мне в опекуны и так воцарились; тех же, кто более всех изменял отцу нашему и матери нашей, выпустили из заточения и приблизили к себе. А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея, и на этом дворе его люди,

---

³⁰ Летописец начала царства // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 45.

³¹ Никоновский летописный свод // Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. С. 145.

сбравшись, подобно иудейскому сонмищу, схватили Федора Мишурина, ближнего дьяка при отце нашем и при нас, и, опозорив его, убили; и князя Ивана Федоровича Бельского и многих других заточили в разные места; и на Церковь руку подняли, свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение; и так осуществили все свои замыслы и сами стали царствовать. Нас же с единокровным братом моим, святопочившим в Боге Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков. Тогда натерпелись мы лишений и в одежде и в пище. Ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле и не так, как обычно поступают дети. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас не взглянет – ни как родитель, ни как опекун и уж совсем ни как раб на господ. Кто же может перенести такую кичливость? Как исчислить подобные бесчисленные страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз мне и поесть не давали вовремя. Что же сказать о доставшейся мне родительской казне? Все расхитили коварным образом: говорили, будто детям боярским на жалование, а взяли себе, а их жаловали не за дело, назначали не по достоинству; а бесчисленную казну деда нашего и отца нашего забрали себе и на деньги те наковали для себя золотые и серебряные сосуды и начертали на них имена своих родителей, будто это их наследственное достояние. А известно всем людям, что при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая зеленая на куницах, да к тому же на потертых; так если это и было их наследство, то чем сосуды ковать, лучше бы шубу переменить, а сосуды ковать, когда есть лишние деньги. А о казне наших дядей что и говорить? Всю себе захватили. Потом напали на города и села и, подвергая жителей различным жестоким мучениям, без жалости грабили их имущество. А как перечесть обиды, которые они причиняли своим соседям? Всех подданных считали своими рабами, своих же рабов сделали вельможами, делали вид, что правят и распоряжаются, а сами нарушали законы и чинили беспорядки, от всех брали безмерную мзду и в зависимости от нее поступали и говорили... Так они жили много лет, но когда я стал подрастать, то не захотел быть под властью своих рабов и поэтому князя Ивана Васильевича Шуйского от себя отослал на службу, а при себе велел быть боярину своему князю Ивану Федоровичу Бельскому. Но князь Иван Шуйский, собрав множество людей и приведя их к присяге, пришел с войсками к Москве, и его сторонники, Кубенские и другие, еще до его прихода захватили боярина нашего, князя Ивана Федоровича Бельского, и иных бояр и дворян и, сослав на Белоозеро, убили, а митрополита Иоасафа с великим бесчестием прогнали с митрополии. Так же вот и князь Андрей Шуйский и его единомышленники явились к нам в столовую палату, неистовствуя, захватили на наших глазах нашего боярина Федора Семеновича Воронцова, обесчестили его, оборвали на нем одежду, выгнали из нашей столовой палаты и хотели его убить. Тогда мы послали к ним митрополита Макария и своих бояр Ивана и Василия Григорьевичей Морозовых передать им, чтобы они его не убивали, и они с неохотой послушались наших слов и сослали его в Кострому, а митрополита толкали и разорвали на нем мантию с украшениями, а бояр пихали взащей. Это они-то – доброжелатели, что вопреки нашему повелению хватили угодных нам бояр и избивали их, мучили и ссылали?.. Что же и говорить о притеснениях, бывших в то время? Со дня кончины нашей матери и до того времени шесть с половиной лет не переставали они творить зло!»³²

Эту огромную цитату пришлось привести здесь по нескольким причинам. Во-первых, она «гуляет» по научной и – еще того больше! – по научно-популярной литературе, редко удастаясь внятного комментария. На ее основе часто делают масштабные и совершенно непропорциональные выводы. Во-вторых, она застилает реальную позитивную роль Шуйских в государственной жизни России того времени.

³² Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 45, 47.

После ее внимательного прочтения возникает вопрос: если Шуйские оказались такими злодеями, отчего они не утратили доверия монаршего? Отчего им продолжали давать высокие думные, воеводские и административные чины?

Конечно, главные персоны этого рода, вызвавшие раздражение у государя, сошли в могилу до того, как он достиг совершеннолетия. В 1538 г. не стало князя Василия Васильевича Шуйского, в 1542-м – Ивана Васильевича, а в 1543-м – Андрея Михайловича. Как будто и опалиться более не на кого... Но это лишь на первый взгляд. Князь-то Петр Иванович, один из главных организаторов большого дворцового переворота в 1542 г., избежал казни, более того, сделался одним из главнейших полководцев всего грозненского царствования. Да и прочие «крупные» Шуйские уцелели в 1543-м, а потом вновь поднялись высоко. Некоторые из них подверглись кратковременной опале, но она всего лишь замедлила их карьеру, не более того. Шуйские сохранили за собой несколько мест в Боярской думе. Через несколько лет они оказались достаточно сильны, чтобы нанести мощный удар по неприятелям своим – клану князей Глинских. Позднее сын казненного Андрея Шуйского, Иван, сделает фантастическую карьеру. Выходит, не столь уж велика оказалась обида Ивана Васильевича на Шуйских... А казалось бы: под корень род подобных кровопийц! Какая им вера?

Точную характеристику положения Шуйских при повзрослевшем Иване Грозном дал историк Г.В. Абрамович: «В малолетство Ивана IV Шуйские в роли регентов стояли во главе Русского государства. Этот период их деятельности, весьма противоречиво освещенный источниками, требует особенно тщательного исследования. Последующая история рода примечательна тем, что, лишившись задолго до опричнины, в результате припадка ярости тринадцатилетнего Ивана IV, одного из своих представителей – Андрея Михайловича³³, в дальнейшем, на протяжении всего царствования Грозного, род Шуйских, в отличие от всех других княжеских родов России, даже в разгар опричного террора не потерял ни одного человека. Этот факт находится в полном противоречии с той демонстративной ненавистью, которой пропитаны обвинения Грозного в адрес Шуйских в его послании к князю Курбскому. А ведь именно им придают такое большое значение историки, исследующие царствование Ивана IV. Напротив, как бы в опровержение этих обвинений, Шуйские на протяжении всего царствования Грозного входили в состав Боярской Думы и занимали самые высокие посты в наместничествах и воеводствах»³⁴.

Стоит напомнить: так горько Иван IV писал о Шуйских в 1564 г. К тому времени он давно миновал порог тридцатилетия, сделался полновластным правителем, научился казнить своих недоброжелателей безо всяких «псарей» и прочей посторонней помощи. В 1540-х, быть может, он не мог расправиться с ненавистным родом, поскольку не обладал еще столь прочной властью. Но к 1560-м он ее обрел в полной мере. Написал страшные слова о Шуйских...

И никого из них пальцем не тронул!

Должно быть, в зрелом возрасте он сформулировал для себя некие очень веские доводы в пользу Шуйских. Полемизируя с Курбским, царь выплеснул на бумагу старинные обиды, но аргументы, заставлявшие его ценить древнюю княжескую фамилию, излагать не стал. Повода не нашлось...

Какие же заслуги числились за родом князей Шуйских со времен «боярского правления»?

Разумеется, без настоящего государя кланы бояр и княжат могли распоряжаться казной страны, скажем так, с большой вольностью. Тем более с «осиротевшей казной» дядьев мальчика-монарха – мятежных удельных князей. Конечно, они усиленно заботились о родне, добы-

³³ Дело было, как уже говорилось, не в «припадке ярости», а в придворной борьбе: иные дворцовые партии смогли поколебать положение Шуйских, вызвав против представителя их рода гнев государя-отрока.

³⁴ Абрамович Г.В. Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 4.

вая для нее высокие посты разного рода. Конечно, участники большой политической игры не стеснялись убивать своих противников. Тем более разорять их, высылать в дальние края, сажать в тюрьмы, лишать должностей и т. п. Но такое можно сказать о многих семействах служилой аристократии. Шуйские оказались разве что несколько решительнее и удачливее своих «оппонентов». Но они не являлись какими-то извергами рода человеческого, их нравственный облик особенно не выделялся на общем фоне социальной среды русской служилой знати. Коря Шуйских, царь мог бы точно также укорять и прочие фамилии «княжат».

Между тем у Ивана IV имелись очень серьезные причины испытывать чувство большой благодарности к их роду.

Прежде всего, опекуны-Шуйские, как ни парадоксально, являлись главными защитниками малолетнего монарха. Может быть, им удобно было администрировать из-за спины малыша и его именем. А может быть, помимо аристократической спеси в их семействе силен оказался христианский долг. Или, что не менее вероятно, Шуйские просто числили себя по старинному обычаю среди истинных «хозяев земли». Издревле Русь считалась вотчиной Рюриковичей. Как московские Калитичи, так и Шуйские относились к древним и сильным ветвям династии. Кровь в их жилах текла одна, бешеная кровь дружинных вожаков, и... нехорошо, подло было убивать единокровного человека, такого же «хозяина земли».

Могли Шуйские, что называется, «скормить» опекаемого мальчика иным крупным «игрокам» смутной поры, добившись для себя изрядной пользы? Да, могли. Отдали бы его, скажем, Старицким и получили бы вечную их благодарность... Или же польско-литовскому монарху, давнему врагу Москвы. Между тем на протяжении нескольких лет тяжелой и кровопролитной «Стародубской» войны с поляками и литовцами, разразившейся при младенчестве Ивана Грозного, князья Шуйские исправно водили в бой полки и армии. Защищали *землю*. А вместе с нею – чужую для московской Руси женщину, Елену Глинскую – *не из Рюриковичей*. Защищали и ее сына, по поводу которого ходили неприятные слухи: законнорожденный ли? Точно ли от отца-старика Василия III? Многие, не стесняясь, называли имя фаворита великой княгини, считая его отцом мальчика. Как знать, что думали на этот счет Шуйские, но в обиду они этого мальчика не дали.

Могли Шуйские, договорившись с прочими кланами служилой знати, расчленив державу, погрузив ее в темные воды политической раздробленности? Иначе говоря, вернуть Московское государство на столетие назад, ко временам междоусобных войн? Поднатужившись, смогли бы. А они сохранили единство державы и проявили дельные качества, участвуя в государственной работе – за исключением, разве что, Андрея Михайловича. Но в семье, как говорится, не без уroda...

С кем Шуйские перемогались в первую очередь, стоя у кормила власти? Главными их врагами оказались князья Бельские – Гедиминовичи, недавние пришельцы, чужаки гораздо большие для Москвы, нежели Елена Глинская. Ее-то хоть связывал с землей брак и рождение наследников. А Бельские – совсем другая история. И стоит всмотреться в нее: многое станет понятным.

В конце XV – начале XVI столетия на службу к великому князю московскому перешло несколько знатнейших родов литовско-русских князей Гедиминовичей. Особенно возвысились в России Бельские и Мстиславские. В обстановке бесконечных войн с Литвой их очень ценили при дворе московского монарха – не только за высокую кровь, но и за многочисленные связи в среде литовско-русской аристократии. Но служили они, скажем так... переменчиво. Да и в московские порядки вращались трудно. По всей видимости, они не торопились ассоциировать интересы рода с интересами страны. Их беспокоил соблазн перейти литовский рубеж и вновь стать подданными прежнего сюзерена. В роду Бельских, оказавшихся на русской службе в 1480-х гг., таким перебежчиком стал князь Семен Федорович. Летом 1534 г. он ушел из Серпухова в Литву. Позднее его племянник, крупнейший московский военачальник князь Иван

Дмитриевич Бельский, начнет готовить побег, но зимой 1561/62 г. его остановят. Подозрение не раз падало и на других выходцев из этого рода. К тому же Бельские время от времени терпели крупные поражения на ратном поле. Как видно, неистовая кровь Гедиминовичей не передала им частицы полководческих талантов, коими славились литовские правители... Коренная знать Северо-Восточной Руси, боярство московское и княжата, давно служившие Москве, «своими» для них не являлись. «Хозяева» это чувствовали, да и необходимость потесниться, уступая «пришельцам» пространство у подножия престола, не способствовала доброму взаимопониманию. Царь Иван пенял Шуйским за их самозванное опекуновство. А они, во-первых, оказались в опекунах вполне законно, ничуть не руша волю покойного Василия III, у коего были первенствующими вельможами, и, во-вторых, были бы у мальчика иные опекуны, так не произошло бы от того горших бед? В 1540–1542 гг. значительную власть получили Бельские. И что же? Что доброго они сделали России? Амнистировали своего родича-перебежчика, дали своим сторонникам большие земельные пожалования, выпустили из заточения Старицких, которые вновь обрели значение живой династической угрозы «опекаемому» Ивану Васильевичу³⁵. Раздавая «сферы влияния» ближним людям, Бельские шли тем же путем, что и Шуйские, но в великих делах правления они были менее склонны действовать ко благу Русской державы. Шуйские проявили себя в этой роли как минимум не хуже Бельских, а по ряду важных признаков – лучше.

Позднее женитьба князя Ивана Дмитриевича Бельского на Марфе Васильевне Шуйской погасила долгую вражду двух этих родов.

В конце 1540-х период «боярского правления» подошел к концу. Завершилась отчаянная борьба между придворными «партиями» за первенство у кормила власти.

Сложился баланс возможностей, интересов и сфер влияния, поделенных сильнейшими аристократическими группировками между собою. Длительный политический кризис миновал, наметилась консолидация «сливок аристократии». Можно сравнить положение, к которому пришла политическая элита России, с современной акционерной компанией. Несколько десятков семей получили большее или меньшее количество «акций», позволявших пребывать на высшем этаже властной иерархии, получать разного рода «экономические бонусы» и участвовать в разделе ключевых должностей. После кровавых междоусобий этот мирный способ организации политического поля гарантировал главным «игрокам» стабильность в обмен на их общий отказ от попыток добиться доминирования. Прекратились позорные «сведения» митрополитов с кафедры. Государь московский – впервые в русской истории – принял царский титул. Высшая власть принадлежала теперь ему... и всё тем же «партиям» знати. Он фактически получил роль крупного акционера, а также «исполнительного директора», весьма зависимого, правда, в своих решениях от воли правления, куда вошли прочие крупные акционеры. Начался долгий, на первых этапах мирный, а затем болезненный и насильственный процесс передачи властных полномочий от служилой аристократии к самодержцу. Он желал получить 100 % акций. Знать не торопилась расставаться со своими активами.

Шуйские, как и прочие знатные рода, понемногу отдавали бразды правления монарху. Для них золотой век закончился. Однако прочное место среди тех, кто входит в боярское правительство, они, без сомнения, сохранили. Фактически Шуйские вышли из бурных волн смуты с солидным пакетом «акций».

Новая полоса «боярского правления» чуть не началась в 1553 г. Как сообщает летопись, весной, вернувшись из поездки в Троице-Сергиеву обитель, «...разболеся царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, и бысть болезнь его тяжка зело, мало и людей знаяше, и тако

³⁵ Абрамович Г.В. Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 86.

бьяше болезнь, яко многим чаяти, х концу приближися. Царя же и великого князя дьяк Иван Михайлов вспомяну государю о духовной, государь же повеле духовную свершити, всегда бо бьяше у государя сие готово. Свершившее же духовную, начаша государю говорити о кресном целовании, чтобы князя Владимира Ондреевича [Старицкого] и бояр привести к целованию на царевичево княже Дмитреево имя. Государь же в вечеру том и приведе к целованию бояр своих...»³⁶ – далее идет список служилых аристократов, целовавших царевичу крест первыми и безо всяких пререканий. Но таковых оказалось совсем немного. Среди прочих поползли опасные разговоры: не лучше ли вместо младенца иметь в государях князя В.А. Старицкого – взрослого человека? Не станут ли во главе царства родичи жены Ивана IV, старинные бояре московские Захарьины-Юрьевы? В 1530-х – 1540-х гг. русская знать в совершенстве научилась искусству править именем ребенка... Да не сами ли Захарьины-Юрьевы затеяли всё это?

Игра между разными претендентами на престол напомнила старые «добрые» времена «боярского правления». Могучим аристократическим кланам открывалась возможность начать новые политические игры, пересмотреть старый раздел «сфер влияния», получить больше власти. Модель «мирного соглашения», консолидировавшего русскую политическую элиту, могла смениться, по современной терминологии, «соревновательной моделью», т. е. очередным междоусобьем. Шуйские не оказали тогда какой-либо поддержки Старицким. Но им явно не нравилась мысль оказаться в подчинении у клана Захарьиных-Юрьевых.

Хворый царь велел приводить князей и бояр к присяге в «Передней избе». Сам выйти к ним не мог, «понеже... изнемогаше велми, и ему при себе их приводити к целованью истомно...». Поэтому государь Иван Васильевич отправил для проведения ритуала «ближних бояр»: князя И.Ф. Мстиславского и князя В.И. Воротынского. Вот тут-то у многих сдали нервы. «Бысть мятеж велик и шум, и речи многие во всех боярех, а не хотят пеленичнику служити». И первым подал голос боярин князь Иван Михайлович Шуйский, брат убитого Андрея Михайловича. Как говорит летопись, он «...учал противу государевых речей говорити, что... не перед государем целовати [крест] не мочно: перед кем... целовати, коли государя тут нет»³⁷. Царь призвал забунтовавшую знать к себе, выбрал, пояснил, что служить по крестному целованию присутствующие будут не Захарьиным, а государю Дмитрию Ивановичу, призвал верных бояр к твердости. Но трудно сказать, как повернулись бы события, если б он не выздоровел. А с выздоровлением Ивана IV и суть проблемы исчезла. Перед служилой аристократией вновь стоял взрослый монарх, а не «пеленочник».

Князя И.М. Шуйского не казнили. Он даже не растерял своего, весьма значительного, влияния при дворе. Наказали тогда лишь тех, кто откровенно действовал в пользу Старицких. Да и то не сразу, а лишь после того, как группа князей Ростовских попыталась уйти за литовский рубеж, боясь воздаяния. Прочих не тронули: слишком многие достойны были кары, но не чинить же расправу над доброй половиной двора? Какой мятеж бы еще вышел, страшно вообразить...

Люди того времени вели себя совсем не так, как наши современники. Не так думали, не так говорили, иные поступки совершали в сходных ситуациях. На огромных просторах лесистой страны гуляла воля, люди переполнены были витальной энергией, она то и дело перехлестывала через край. На протяжении нескольких веков – XIV, XV и первой половины XVI в. наш народ во всех главных проявлениях своих отмечен благородной избыточностью. Что ни возьми, всё оказывается чересчур, ко всему приложена клокочущая сила. И более всего это витальное неистовство видно в персонах княжеской крови, «сливках» русской знати. Они готовы были без горя и ужаса каждый год выступать в походы и с любым неприятелем «пить

³⁶ Александро-Невская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 211.

³⁷ Александро-Невская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 212.

смертную чашу». Сила веры порой приводила их в обители, к величайшей святости. А сила корыстных устремлений толкала затевать мятежи, заговоры, грызться за власть в беспощадных междоусобьях.

Промежуток от Сергия Радонежского до митрополита Макария – эпоха, когда Русская земля наполнилась яркими личностями. Их было столько, сколько пузырей появляется на луже, когда идет ливень. Их было – не перечить. И всякий – на свой лад, со своей миссией и своими причудами.

Сколь сильно отличается это великое время – может быть, величайшее во всей русской истории! – от серой невнятицы XII столетия, от корыстного копошения первой половины XIII века... Дюжинный кондотьер вроде Юрия Долгорукого на этом фоне выглядел большой политической фигурой. А настоящие крупные личности уровня Владимира Мономаха или Андрея Боголюбского уподоблялись залитым солнцем утесам, стоящим в окружении замшелого кустарника. Идея затеять свару с родней за более выгодное княжение и положить несколько тысяч ратников, сойдясь с единокровными неприятелями в междоусобной сече, была образцом стратегического плана. Вожди дружин того времени, те же самые Рюриковичи, словно не задумывались о будущем дальше, чем на несколько месяцев вперед.

Русские князья той поры напоминали стаю ворон: перелетали с гнезда на гнездо, отыскивая для себя удел побогаче, клевали друг друга, не в силах смириться с богатством соседей, а когда самое уютное гнездо – великокняжеский стол – оказывалось вакантным, вся огромная стая с карканьем поднималась в воздух, устраивала побоище и вновь «переделивала» гнездовье. Ни героизма, ни самопожертвования, ни великих помыслов. В лучшем случае – разбойничья удаль да свирепость в отношении побежденных. Святость поблекла, богословская мысль затихла. За полтора столетия выросло лишь два значительных мыслителя: Климент Смолятич и Кирилл Туровский. Лишь великое каменное строительство еще напоминало о прежней мощи древнерусского общества...

«Дух отлетел», – как говаривал Константин Николаевич Леонтьев...

И вдруг среди духовной пустоши появляются один за другим Александр Невский, Михаил Черниговский, Даниил Московский, Михаил Тверской, преподобный Сергей. Когда надежды отлетели, вера ослабла и любовь притупилась, явлено было ободрение для Руси: держитесь! Грядет другое время! Сосуд пустой наполнится горячим вином!

Вскоре после монгольского нашествия стал совершаться великий поворот от ничтожества к величию.

До середины XIV в. градус внутреннего тепла Руси постепенно повышался. А с этого времени земля, люди, кровь, вера и творчество смешались в один громадный протуберанец кипящей лавы. Страна с великой болью, не считая потерь, теряя очень много крови, поднималась, сбрасывала ордынское иго и повсюду творила новые смыслы, новых людей, новую политику. Даже верить училась по-новому, горячее, истовее. Казалось, само небо спустилось на землю, чтобы застыть играющей лазурью на иконах Андрея Рублева.

К середине XVI в. время творения невиданных смыслов и невиданной доселе государственности начало иссякать. Всё рожденное в великом усилии должно было застыть и получить окончательную, строго определенную форму. Однако носители неистовой крови – аристократия наша – «опаздывали», находясь умом и сердцем в предыдущем веке.

Всё это воинство сильнейших, умнейших, амбициознейших людей не хотело застывать. Оно как будто не желало холода и твердости. Оно как будто стремилось по-прежнему быть лавой, хоть «кипение земли» уже иссякло. Земля искала порядка, упорядочения. А у нашей великородной знати энергия всё еще бурлила, всё еще искала выхода.

Годы «боярского правления», взятие Казани, да еще, может быть, начало Ливонской войны – последние вспышки прежнего косматого солнца, заживавшего сердца русских людей. И в них видно уже «падение качества», нарастание мотивов личной корысти. Еще готовы наши

книжники извергать великие идеи, но всё больше их умственный и духовный труд затопляется волнами монотонной хозяйственной деятельности. Еще могут наши аристократы жизнь отдать за Отечество, еще чураются они большой смуты, еще живо благородство их помыслов. Но уже высчитывают они шаги до престола и все чаще вспоминают о вольнице предков, нимало не подчинявшихся единоподержцу. Все больше научаются они работать не умом, не сердцем и не крепкими, привычными к мечу руками, а... локтями – расталкивая соперников в борьбе за высокие чины и богатые поместья.

Хронологическое пространство от опричнины до петровских реформ трагично. Россия исполнена колоссальной жизненной силы, ей устраивают кровопускания – одно другого ужаснее, она болеет, встает на ноги, получает еще один удар, опять болеет, и все-таки опять встает на ноги... На протяжении нескольких десятилетий старомосковское общество, вздыбленное опричниной, болезненно пережившее конец династии Рюриковичей и годуновское самовластие, находится в состоянии еле сдерживаемого взрыва. Наконец, рванула Смута. В 1611 г. России не существовало. Размеры катастрофы Смутного времени сейчас трудно себе представить. По всей вероятности, потери, понесенные тогда русским народом, сравнимы с последствиями гражданской войны, если только не больше³⁸. Сильная вера, сильная нравственность и огромная жизненная энергия, содержащиеся в людях того времени, дали возможность спасти рушащийся дом. А потом пережить нашествие королевича Владислава, поражение в Смоленской войне, Разинщину, городские бунты всех сортов, тяжкие войны на юге и западе, мятежные выплески стрелецкой стихии. Сохранение того, что родилось в эпоху акмэ, требовало чудовищного напряжения, огромных жертв – и от простого народа, и от правящего сословия. В XVII столетии Московское государство (и, значит, русский культурно-исторический тип) проявило необыкновенную волю к жизни. И величественное здание Российской империи – наша «золотая осень» – встало на прочный фундамент старомосковских ценностей, старомосковской Традиции.

Но в середине XVI столетия нет еще и предчувствий о подобных кровопусканиях. И трепещет в сильной, умной, отважной... мятежной и своекорыстной знати избыток энергии, бешеная кровь. Когда монарх находит способ потратить это высокое, благородное буйство на дела, необходимые всей державе, случаются великие победы, Русь расширяет границы. Но если подобных «энергоотводных» каналов нет или они слишком узки, то само время замутняется... В такие моменты неизбежно начинается большое междоусобье.

Судьба рода, судьба всей русской аристократии, служившей государям московским, выковала из И.П. Шуйского человека, у которого в груди как будто бились два сердца. Порою ритм их сливался. Тогда жизнь Ивана Петровича шла мощно и ровно. Но иногда биение двух сердец совершалось невольно, и судьба князя Ивана поворачивала к большому лиху.

Одно сердце говорило ему: «Ты высокородный потомок Рюрика. Отец твой поверг могущественных Бельских. Дед твой правил страной как “московский наместник”, а его страшному брату даже особого звания придумывать не пришлось – он и без этой новины держал государство в кулаке. Прадед был князем-наместником в независимом Пскове. А прапрадед с братом своим держал Суздаль, Нижний Новгород и иные города как независимый удельный государь. А ты? Где ты нынче, кто ты? Быть *рядом* с престолом это ведь... почти *на* престоле? Так долго ли перешагнуть через это “почти”? Разве ты права не имеешь?»

Другое сердце заводило иные речи: «Ты с этой землей связан на веки. Ты один из ее хозяев, но ты же и служебник ее. Твой отец, дед, прадед и прапрадед честно дрались с татарами, литовцами, шведами и ливонскими немцами. Поцеловав крест государю московскому, стой твердо за него и за христианскую веру, служи прямо и верно».

³⁸ В относительном, процентном смысле.

Величие предков влекло потомка к двум разнонаправленным путям. Пойти по первому из них звали воспоминания о самостоятельном княжении, о правлении в городах и областях богатого Суздальско-Нижегородского княжества, о недолгом, но ярком первенстве на Москве. Ко второму подталкивала память о громкой воинской славе рода, о почестях, заработанных на полях сражений и принятых от великого государя.

И кто из русских княжат XVI в. не жил двоемысленно? Разве только самые слабые, самые худородные, да еще... лучшие христиане. А добродетели богатырские, княжеские, можно сказать, «кшатрические» только тогда приносили на Руси добро, когда бывали крепко взнузданы добродетелями христианскими. И только тогда держава наша строилась как общий дом.

Русской знати – не только Шуйским, но и просто большинству служилых аристократов – этой узды не хватало. Энергия распирала их. Отсюда проистекает и всё неистовство их судеб.

* * *

Иван Петрович начинал службу, как и отец, на относительно скромных должностях. Самое раннее упоминание его в воинских разрядах относится к декабрю 1562 г.

В зимнем полоцком походе 1562/63 г. князь Иван – всего-навсего один из знатных людей в свите государя³⁹. Честь без власти. Это должность для молодого человека. Как видно, И.П. Шуйский родился скорее где-то в первой половине 1540-х, чем во второй половине 1530-х.

Должность не требовала от него принятия каких-либо тактических решений. Зато «полоцкое взятие» подарило ему, возрастающему полководцу, ни с чем не сравнимый опыт. В первом же своем боевом походе князь Иван получил представление о масштабной операции по взятию крупного города, для которой московское правительство сконцентрировало колоссальные силы. Вот это школа! Князь еще не раз будет свидетелем и участником осадных операций. Сам испробует нелегкий труд «градоемца», а затем отведает, каково быть на противоположной стороне – в крепости, среди осажденных. Военная карьера его завершится величайшей во всей истории Московского царства защитой города. Когда польский король попытается взять Псков на копье, наступит звездный час в судьбе Ивана Петровича... И он не раз, надо полагать, вспомнит, как дрался двадцать лет назад под стенами Полоцка, чему научила его та давняя военная страда. Вся служилая биография князя – будто струна, туго натянутая между Полоцком и Псковом...

И.П. Шуйскому предстоит сделаться не только крупным военачальником, но и выдающимся политическим деятелем. Ему суждено прожить долгую жизнь, получить боярский титул, при двух государях заседать в Боярской думе, вершить великие дела правления. И здесь, на Западной Двине, он получал еще и политический опыт: на его глазах развязывался узел, приводивший целый регион в страшное напряжение.

---

³⁹ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 130.

Глава 4

«ПОЛОЦКАЯ ПРОБЛЕМА»

Целая глава в этой книге посвящена предыстории «полоцкого взятия». К биографии князя Ивана Петровича Шуйского она не имеет никакого отношения. Читатель, не склонный отрывать от извивов судьбы этого человека, может пропустить ее и сразу же перейти к событиям 1563 г. – великому сражению за город на Двине. Но для тех, кто хочет понимать, отчего Полоцк был столь важен, почему именно для его взятия была собрана поистине великая армия, по каким причинам потеря его поставила Великое княжество Литовское в трагическое положение, полезным будет одолеть эту главу.

Кроме того, многовековая «полоцкая проблема», не связанная с жизнью и службой самого князя Ивана, имеет самое прямое отношение к делам его предков.

Еще в XIII столетии Полоцк был центром самостоятельного княжества. Полоцкий «стол» считался завидным: местному князю подчинялся богатый торговый центр и обширные земли. Здесь же стояли древние православные святыни: собор Святой Софии и Спасский храм с кельею святой Евфросинии Полоцкой. Княжество успешно противостояло немецкому натиску.

Однако в XIV в. Полоцкая земля постепенно оказалась под властью литовских князей. В итоге она стала частью Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ). Само ВКЛ долгое время имело рыхлую политическую структуру, являясь в большей степени «семейным владением» князей-Гедиминовичей, нежели государством с единым управлением и единым законом. Поэтому Полоцк очень долго сохранял права и привилегии почти независимой территории. Во второй половине XIV столетия там долгое время правил выдающийся политический деятель того времени князь Андрей Ольгердович, именовавший себя «королем полоцким».

С течением времени великие князья литовские повели наступление на такие вот полунезависимые территории в составе ВКЛ. Их права постепенно урезались. Но на этом пути литовские монархи встретили справедливое сопротивление своих подданных. Время от времени страна погружалась в пучину внутренних войн и великих смут. В XIV – первой половине XV в. Великое княжество Литовское непрерывно росло, и к середине XV в. его государственная территория достигла колоссальных размеров. На какое-то время оно стало господствующей державой Восточной Европы. Помимо сравнительно небольших собственно литовской и жемойтской областей (на северо-западе огромной державы), в нее входили широкие пространства «Литовской Руси» – древнерусские земли и княжества, многократно превосходившие по размерам самое Литву.

Литовская Русь включала в себя Владимир-Волынский, Киев, Чернигов, Полоцк, Витебск, Смоленск, Вязьму, Дорогобуж, Брянск и множество других крупных городов и богатых областей. Когда-то многие из этих областей обрели политическую выгоду в союзе с литовскими князьями и даже в подчинении им, поскольку это было лучшим исходом по сравнению с ордынским игом. Однако они не искали закабаления со стороны литовского центра. Население Великого княжества Литовского было на две трети восточнославянским. Жители Литовской Руси именовали себя «русскими» (именно такое написание было принято в те времена).

Московско-литовский рубеж во второй половине XV в. проходил недалеко от Тулы, Калуги и Можайска. «Двойными» (т. е. совместными) московско-литовскими владениями считались Ржев, Торопец и Великие Луки. Московское княжество по сравнению с ВКЛ долгое время выглядело просто карликом, намертво сжатым в лесистом междуречье Оки и Волги. . . В наше время можно за два-три часа добраться из Москвы на электричке до западных рубежей

Московской Руси XV в. . . . Нынешние дачные поселки на западе дальнего Подмосковья 550 лет назад были бы «ближним зарубежьем» . . .

На протяжении XV в. мощь Великого княжества Литовского подтачивалась внутренними раздорами: государство отнюдь не было монолитным. На восточных его рубежах целыми областями владели могущественные полунезависимые удельные князья. Группировки магнатов (богатейших аристократов), князей и шляхты имели различную политическую ориентацию. Одни стояли за теснейший союз с Польшей. Другие тянули к Москве. Третьих устраивало, чтобы Великое княжество Литовское оставалось таким, каким оно было в те времена. Наконец, четвертые планировали выйти из его состава и жить самостоятельно. Положение осложнялось борьбой католичества и православия на территории страны.

В 1432 г. в Великом княжестве Литовском началась одна из самых продолжительных и кровавых внутренних войн за всю историю этого государства. Масштабы ее были таковы, что все соседи ВКЛ оказались втянутыми в ход боевых действий: немецкие крестоносцы, Силезия, Москва, Тверь, королевство Польское, татары, валахи и т. д. Взаимное ожесточение неприятельских сторон достигало порою невиданных пределов: уничтожение пленников, бойни мирного населения страны, публичные казни знатнейших лиц Великого княжества, заподозренных в измене, стали обычным делом в ходе гражданской войны. Эта война оказала решающее влияние на изменения в политическом устройстве ВКЛ.

Полотчина и Витебщина приняли в ней активнейшее участие, преследуя конкретные политические цели, и время от времени сами превращались в театр боевых действий. Война 1430-х гг. прошла историческим изломом через судьбу этих земель и надолго вперед определила характер их политического бытия. Для того чтобы оценить ту роль, которую сыграл Полоцк (и Витебск) в гражданской войне, а также результаты участия в ней для самих полочан, прежде необходимо обратиться к причинам широкомасштабного конфликта в Великом княжестве и общей расстановке сил.

В середине XV в. на территории ВКЛ еще не сложилось единого белорусского этноса, но соседствовали литовский и русский народы. Многие историки отзывались о гражданской войне в ВКЛ как о битве двух народов: литвы и руси. Так ли это? Был ли лагерь Свидригайло чисто русским или хотя бы в основном русским в этническом отношении? Источники на первый взгляд подтверждают это: как белорусско-литовские летописи, так и польские и немецкие хроники. Наиболее пространством источником по истории гражданской войны служат хроники Яна Длугоша, Мартина Кромера и Мачея Стрыйковского.

В вопросе о национальной принадлежности сторонников двух неприятельских лагерей Длугош и Стрыйковский как будто едины: и тот, и другой уверяют, что за Сигизмунда Кейстутевича стояла Литва, а за Свидригайло – Русь, и им вторят белорусско-литовские летописи. В частности, Длугош пишет: после переворота в августе 1432 г. «. . . князь Сигизмунд получил под свою власть все замки литовские, как-то: Вильно, Троки, Гродно. Земли же русские, Смоленск, Витебск, князю Свидригайло остались верны»⁴⁰. Стрыйковский ему не противоречит. Описывая ситуацию, создавшуюся после поражения Свидригайло при Ошмянах, хронист замечает: Свидригайло бежал на Русь, где был принят русскими, «. . . а более всего смоленчанами, с которыми он потом воевал в Литве. Поэтому также руссаки полочане и киевляне приняли его князем, а Сигизмунд. . . во всей Литве, Вильно, Троках и других замках, а также в Жмудской земле легко водворился. . .»⁴¹. Со времен А. Левицкого⁴² в научное обращение введено высказывание Краковского епископа Збигнева Олесницкого, противопоставившего «схизматиков-русских» и литовцев.

⁴⁰ *Długosz J. Dzieła wszystkie* (Далее: *Długosz*...). Kraków, 1869. Т. V. С. 444.

⁴¹ *Strykowski M. Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi* (Далее: *Strykowski*...). Warszawa, 1846. Т. II. С. 186.

⁴² Польский историк XIX столетия.

Но те же хроники и другие источники дают возможность представить круг ближайших к Свидригайло персон после 1432 г. Среди них немало знатных литовцев, и на этот факт исследователи уже неоднократно обращали внимание. А. Коцебу еще полтора века назад также назвал целый ряд случаев, когда среди доверенных людей Свидригайло обнаруживаются знатные литовцы. А к выкладкам Коцебу необходимо отнести со всем вниманием: они основаны на изучении чрезвычайно богатой источниковой базы: немецких актов XV века, принадлежащих канцелярии ордена и собранных вместе кенигсбергским архивариусом Геннингом⁴³.

Итак, в известиях хроник сразу же бросаются в глаза имена Яна (Ивана) Монивида, спасшего Свидригайло от покушения на его жизнь и впоследствии казненного; воеводы виленского Дедигольда, попавшего в плен к Сигизмунду Кейстутевичу в битве при Ошмянах вместе с воеводой трокским Монивидом и литовским маршалком Ромбольдом (Румбольдом), – причем последние два были также казнены Сигизмундом⁴⁴. Но и другие активные сторонники Свидригайло, упорно называемые исследователями «русские князья», «русские феодалы», – были ли они на самом деле русскими? Если исключить зарубежных союзников Свидригайло, то, без сомнения, русскими можно назвать лишь пятерых братьев князей Семеновичей Друцких, упоминания которых встречаются в самых разнообразных источниках: Ивана Бабу, Ивана Путятю, Михаила Болобана (Лобана), Василия Красного и Дмитрия Секиру, носившего также, видимо, звание князя Зубревицкого⁴⁵. А вот среди остальных «русских» князей большинство – сыновья или внуки чистейших литовцев. Они могут быть приняты за русских лишь по православной форме их христианских имен (в первом или втором колене) и по славянизированному варианту княжеского звания (патрониму или топониму). Например, союзники-противники Свидригайло, князья Гольшанские (Михаил и Семен Ивановичи, а также Даниил Семенович, убитый под Ошмянами⁴⁶), о которых речь еще пойдет ниже, – они же Ольгимунтовичи, представители литовского рода, чьи корни уходят во времена подревнее Гедиминовых. Или же князь Юрий (Георгий) Семенович, активнейший соратник Свидригайло, призванный в 30-х гг. XV в. в Великий Новгород на княжение⁴⁷. Тоже «русский князь», сын Лингвеня Ольгердовича, во крещении Семена. Или, скажем, «русские» князья Федор и Сигизмунд Дмитриевичи Корибутовичи Збаражские, оба сложившие голову в Вилькомирской битве 1435 г. (Федор был взят в плен, а затем утоплен)⁴⁸. Наконец, один из наиболее деятельных воевод Свидригайло, князь Александр Нос – по мнению И. Вольфа, представитель рода князей Пинских – Геди-

⁴³ Коцебу А. Свидригайло, великий князь литовский. СПб., 1855. С. 160–161. Об источниках Коцебу: указ. соч., «От сочинителя», лл. нн. Публикаторы *Scriptores Rerum Prussicarum* в приложении к Хронике Конрада Битшина поместили «Sammlung» документов из Кенигсбергского провинциального архива, касающихся отношений ордена и Литвы в 30-х гг. XV в. (указ. соч., т. III, нач. с. 493). Из комментария видно, что составитель опять-таки использовал документы, исходившие из канцелярии ордена. Поскольку «Sammlung» во многих случаях чрезвычайно близок изложению Коцебу, надо полагать, именно этими материалами и пользовался Геннинг, или же они представляют собой один из списков части (всего?) собрания Геннинга. Все изложенные выше соображения подтверждают достоверность данных Коцебу. Другой сильной их стороной является точная хронология: большая часть материалов принадлежит деловой, дипломатической переписке, которая всегда датирована. Поэтому Коцебу мог расписать весь период правления Свидригайло чуть ли не по неделям.

⁴⁴ *Długosz...* С. 444; *Strykowski...* С. 188; *Kronika Marcina Kromera // Zbiór dziejopisów polskich*. Warszawa. Т. III. Warszawa, 1767. С. 530; Никифоровская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 34.

⁴⁵ Хроники: Литовская, Жмойтская и Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 32. С. 154. Подробнее о князьях Друцких – сторонниках Свидригайло см.: *Wolff J. Kniaziowie Litewsko-ruscy od Końca czternastego wieku*. Warszawa, 1895. С. 57–61; *Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego*. Kraków, 1885. С. 85; Русско-ливонские акты. СПб., 1868. С. 137; *Hacesiū В.Л.* Род князю Друцких у гісторыі Вялікага княства Літоўскага (XIV–XVI). // Старонкі гісторыі Беларусі. Мн., 1992. С. 91–95.

⁴⁶ Хроники: Литовская, Жмойтская и Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 32. С. 155.

⁴⁷ *Strykowski...* С. 188; *Wolff J. Kniaziowie Litewsko-ruscy od Końca czternastego wieku*. Warszawa, 1895. С. 263–264; Новгородская 1-я летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. С. 111; Новгородская 4-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. С. 122; Русско-ливонские акты. СПб., 1868. С. 192–193; Коцебу А. Свидригайло, великий князь литовский. СПб., 1855. С. 13–14.

⁴⁸ *Strykowski...* С. 195–296; *Wolff J. Kniaziowie Litewsko-ruscy od Końca czternastego wieku*. Warszawa, 1895. С. 275–276.

миновичей⁴⁹. И так далее: князь Юрий Михайлович Заславский – Гедиминович; переменчивый политик кн. Олелько Владимирович – внук Ольгерда; князь Ярослав-Теодор Семенович... он же Лингвеневиц. Делает ли православие за одно-два поколения литовца русским? Вряд ли. Чрезвычайно затруднительно было бы определить, на каком языке говорили все перечисленные князья и обычаев какого народа они придерживались. Их нельзя уверенно называть ни литовцами, ни русскими... Наиболее точный термин был введен А. Пресняковым: «литовско-русские князья»⁵⁰. Быть может, именно на уровне высшей, княжеской аристократии принятие православия и матримониальные связи более явно по сравнению с другими социальными группами населения ВКЛ предъявляют начальные этапы формирования белорусского этноса.

Таким образом, с национальной точки зрения лагерь Свидригайло отнюдь не являлся монолитным. И сам Свидригайло, как бы специально в подтверждение этого, писал в одном из своих посланий конца 1432 г., что выступил в поход на Литву «по просьбе русских и литовских бояр и вельмож»⁵¹.

На территории Великого княжества Литовского времен Витовта с 1432 по 1436 г. существовало два великих княжества – Литовское и Русское. По сообщениям белорусско-литовских летописей, Свидригайло был объявлен «князьями русскими и боярами» великим князем русским⁵². Во внешних сношениях он также продолжал носить великокняжеский титул наравне с Сигизмундом.

У начавшейся войны была и чисто политическая почва. В боярско-княжеской среде Великого княжества Литовского могла идти широкомасштабная борьба группировок кланового типа, доросшая в 1432 г. до стадии войны. Во всяком случае бурная политическая биография Свидригайло, более тридцати лет войн и скитаний, установление связей с союзниками самого разного сорта при его широком и щедром характере уже ко времени вокняжения Свидригайло в 1430 г. обеспечили ему мощную плеяду сторонников; те же князья Друцкие, как отмечал А. Дворниченко, связаны были со Свидригайло еще с 90-х гг. XIV в.⁵³ Все эти сторонники ориентировались на личность Свидригайло, и влияние их группировки было столь велико, что при избрании Свидригайло великим князем немецкий современник отмечал полное единодушие литовской и русской знати⁵⁴. В дальнейшем, после переворота 1432 г., одна лишь данная группировка могла, вероятно, выставить внушительную воинскую силу.

Огромное влияние на ход гражданской войны оказала внешнеполитическая ориентация двух противоборствующих вождей – Свидригайло и Сигизмунда Кейстутевича, – а также действия их зарубежных союзников.

Ни у кого из исследователей не вызывает сомнения то, что Сигизмунд Кейстутевич был «креатурой поляков». Он получал от Польши военную и политическую помощь в обмен на покорность в вопросах, касающихся Подолии (за нее спорили Польша и Литва), и возобновления унии. Польский историк А. Левицкий склонен был гордиться заговором 1432 г. и свержением Свидригайло как «величайшим триумфом польской политики»⁵⁵.

В то же время, согласно утверждениям польских хронистов и выкладкам А. Коцебу, верными союзниками Свидригайло были орденские немцы. Они не только активно влияли на ход дел в Великом княжестве Литовском, но и оказывали Свидригайло непосредственную воен-

⁴⁹ Strykowski... С. 188–189; Wolff J. Kniaziowie Litewsko-ruscy od Końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. С. 276–277.

⁵⁰ Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1939. Т. 2. Вып. 1. С. 132.

⁵¹ Коцебу А. Свидригайло, великий князь литовский. СПб., 1855. С. 153.

⁵² Хроники: Литовская, Жмойтская и Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 32. С. 154; Никифоровская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 34.

⁵³ Długosz... С. 385; Дворниченко А.Ю. Князь Свидригайло и западнорусские городские общины. // Генезис развитого феодализма в России. Проблемы истории города. Л.: ЛГУ, 1988. С. 4.

⁵⁴ Fortsetzung zu Peter von Düsburgs Chronik von Konrad Bitschin. // Scriptores rerum prussicarum. Leipzig, 1866, т. III. С. 494.

⁵⁵ Lewicki A. Powstanie Swidrygiełły. Kraków, 1892. С. 147–148.

ную поддержку. В 1435 г. гроссмейстер ордена пал в битве под Вилькомиром, приведя войско на помощь «великому князю русскому»⁵⁶. Большую заинтересованность в делах ВКЛ проявили земли, лежавшие к востоку от рубежей Литовской Руси. Поддержал Свидригайло князь Михаил Львович Вяземский, пришла к нему городецкая рать с князем Ярославом во главе, а также «сила тверская» великого князя Бориса Александровича⁵⁷. Предположительно, Свидригайло мог получать помощь и из Новгорода Великого, где княжил его ближайший союзник – князь Юрий Семенович-Лингвеневиц; во всяком случае, еще в 1431 г. Свидригайло обеспечил себе твердый тыл, заключив с Новгородом мир⁵⁸. По некоторым признакам сочувствовал ему Псков, принявший в 1434 г. из Литвы князя Владимира Данильевича⁵⁹. Вовлеченной в дела Великого княжества Литовского оказалась и Москва. А. Рогов, встретив у Стрыйковского сообщение о том, что под Вилькомиром в распоряжении Свидригайло была «московская сила», усомнился: вряд ли великий князь Василий II мог оторвать часть своих войск от тяжелой борьбы с Василием Косым⁶⁰. Другие исследователи дали этому известию больше веры. А. Хорошкевич, в частности, высказывала догадку об ориентации Свидригайло на сторонников великого князя Юрия Дмитриевича (а не Василия II). Она предположила, что борьба между «дядей и племянником»⁶¹ препятствовала «более существенной поддержке жителями Северо-Восточной Руси попытки украинских, белорусских и некоторых русских земель ВКЛ отделиться от него и Польской Короны...»⁶². В действительности же Свидригайло получил самую существенную помощь, на которую он только мог рассчитывать. 20 марта 1434 г. Юрий Дмитриевич Звенигородский разбил в очередной раз Василия II⁶³. Именно на содействие этого деятельного князя и талантливое полководца рассчитывал Свидригайло, от него ожидал помощи еще в 1433 г. и его победе теперь мог радоваться. Не позднее конца апреля 1434 г. один из сыновей Юрия Дмитриевича был отправлен к Свидригайло с ратью, и этот отряд пробыл в Великом княжестве Литовском, видимо, до самой Вилькомирской бойни⁶⁴. По всей вероятности, новый союзник в лице Юрия Дмитриевича Звенигородского и его сыновей был приобретен великим князем русским по «родственному принципу». От Сигизмунда Кейстутевича мог ожидать поддержки Василий II: мать Василия Васильевича, Софья Витовтовна, приходилась главному противнику Свидригайло племянницей. Сам Василий II был дружен с домом Витовта и побывал в 1430 г. на торжествах, которые должны были предшествовать так и не состоявшейся коронации Витовта. Надо полагать, сработал великий принцип дипломатии: враг моего врага – мой друг.

Таким образом, Великое княжество Литовское в середине 1430-х гг. испытывало вмешательство в свои внутренние дела сразу нескольких сильных соседей, и воздействие политической воли ордена, Твери, Москвы, а особенно Короны Польской сыграло в истории гражданской войны одну из первых ролей.

⁵⁶ Коцебу А. Свидригайло, великий князь литовский. СПб., 1855. С. 160–161; *Długosz...* С. 480, 522–523; *Strykowski...* С. 189, 195–196.

⁵⁷ *Strykowski...* С. 187, 189, 195–196; Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 15. Стб. 489; Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966. С. 206; *Пащито В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства (далее: «Древнерусское наследие...»). М.: Наука, 1982. С. 135.

⁵⁸ Собрание государственных грамот и договоров. Т. 1. № 19.

⁵⁹ Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 2. С. 43; *Коцебу А.* Свидригайло, великий князь литовский. СПб., 1855. С. 147; Древнерусское наследие... С. 136.

⁶⁰ *Strykowski...* С. 195; *Рогов А.И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966. С. 206.

⁶¹ Дядя – князь Юрий Звенигородский, отец Василия Косого и Дмитрия Шемяки, а племянник – Василий II.

⁶² *Stadnicki K.* *Gracia Władysława Jagiełły.* – *Lwów*, 1867. С. 352; *Дашкевич Н.* Заметки по истории Литовско-Русского государства, К., 1885. С. 137; Древнерусское наследие... С. 135–136.

⁶³ *Зимин А.А.* Витязь на распутье. М., 1991. С. 64.

⁶⁴ *Коцебу А.* Свидригайло, великий князь литовский. СПб., 1855. С. 160–161. С. 173, 191, 195.

Но хотелось бы и среди внутренних факторов, в той или иной мере способствовавших началу войны, выделить один в качестве главного. Имеется в виду конфессиональный фактор, на котором настаивал польский историк А. Левицкий. Конфликт, вызвавший гражданскую войну, окрашивается в религиозные цвета.

В 1413 г. Ягайло и Витовтом была заключена так называемая Городельская уния между Коронай Польской и ВКЛ. Свидригайло – противник этой унии и нарушитель основных ее пунктов. Уже само избрание его великим князем литовским как будто нарушение, поскольку в привилее Городельского сейма указано, что выбор нового государя для Великого княжества Литовского должен производиться с согласия короля польского и его преемников, а также «по совету с прелатами и панами Польши»⁶⁵. В свою очередь и литовцы должны были участвовать в утверждении нового короля польского. Но привилей отмечает это право литовских вельмож в такой форме, что оно оказывается ограниченным жизнью великого князя Витовта. После его смерти Свидригайло был избран в Литве и утвержден Ягайло без «совета» с польской шляхтой, что вызвало у поляков недовольство. Однако в правовой практике Великого княжества Литовского встречается норма, согласно которой каждое новое лицо, носящее титул великого князя, подтверждает привилеи, выданные своими предшественниками. Так, например, привилей на Магдебургское право, выданный Ягайло городу Бресту в 1390 г., впоследствии был подтвержден Витовтом, Казимиром и Александром Ягеллончиком в 1408, 1440 и 1505 гг.⁶⁶ Предполагалось, очевидно, что сам акт унии также должен был быть одобрен каждым очередным великим князем литовским. Легитимно или нелегитимно избран был Свидригайло, поляки начали борьбу не из-за правовых вопросов, а по причине территориального конфликта в Подолии. Но после избрания именно от Свидригайло зависело утверждение нового акта унии. А он этого не собирался делать. Весь дух Городельской унии – антиправославный и, хотелось бы добавить, антиязыческий. Но отнюдь не антирусский. Шляхте «земель литовских» даруется ряд привилегий, которыми, как это не раз подчеркнуто в привилее, могут пользоваться только «...почитатели христианской религии, Римской церкви подвластные, не схизматики или другие неверующие»⁶⁷. В частности, православным вельможам отказано в праве занимать государственные должности и заседать в великокняжеском совете при обсуждении дел, касающихся «блага государства»⁶⁸. Достойной специального исследования была бы тема, касающаяся реального, практического выполнения этих пунктов Городельской унии при Витовте. Но даже если они выполнялись не вполне четко, то само существование подобных правовых норм должно было быть ненавистно православной знати Великого княжества Литовского. При Свидригайло появилась возможность ревизовать их. Новый литовский государь приблизил к себе «схизматиков» и раздавал им высокие должности. Я. Длугош и М. Стрыйковский связывают привязанность русских к Свидригайло с покровительством его православной Церкви⁶⁹.

Но правомерно ли отождествлять православных, или, как писали польские хронисты, «схизматиков», с русскими? Ни в коем случае. Даже польский хронист Стрыйковский, нередко смешивавший эти два понятия, как бы «проговаривается» в отношении одного из событий Луцкой войны (1431)⁷⁰: в Луцком замке «...русаки и литва, которые были с ними греческого вероисповедания», перебили всех поляков и католиков⁷¹. Приведенные выше имена литов-

⁶⁵ Социально-политическая борьба народных масс Белоруссии (далее: СБНМБ). Мн., 1988. С. 22. Лат. текст того же документа см.: *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. Приложение № 1.

⁶⁶ Акты Литовско-Русского государства, М., 1899. Вып. 1. № 1, 3, 13, 87.

⁶⁷ СБНМБ. С. 22.

⁶⁸ СБНМБ С. 21.

⁶⁹ *Dlugosz...* С. 385–386; *Strykowski...* С. 177–178.

⁷⁰ Луцкая война предшествовала гражданской войне в ВКЛ, и ее события во многом повлияли на ход гражданской войны.

⁷¹ *Strykowski...* С. 183.

ско-русских князей, воспроизведенные источниками в православной форме, свидетельствуют о принадлежности значительной части литовской знати к восточной Церкви. Было бы даже не столь удивительным, если бы в рядах сторонников Свидригайло обнаружались и язычники, причем язычники знатные. Христианство пустило крепкие корни в литовской среде лишь при Ягайло, в последней четверти XIV в. Еще после смерти Ольгерда (1377) литовцы справляли языческую тризну⁷². Городельский привилей разделил знатных людей Великого княжества Литовского не по национальному признаку, а по конфессиональному, четко противопоставив католиков всем остальным конфессиям.

Склонность польских и немецких хронистов, а также западнорусских летописцев подчеркивать поддержку, оказанную Свидригайло именно русскими, может быть объяснена следующим образом: во-первых, православие в первой половине XV в. для русских было религией исконной, традиционной и всеобщей. Среди литовцев греко-православный обряд принят был, надо полагать, меньшинством (по сравнению с обрядом римско-католическим) и не опирался на многовековую традицию. Постепенная поляризация областей Великого княжества Литовского на католическую Литву и православные русские земли, ускорилась в период московско-литовских войн конца XV–XVI вв. Она-то и могла заставить составителей поздних источников [польских хронистов от Длугоша (вторая половина XV в.) до Стрыйковского (конец XVI в.), немецких хронистов, западнорусских летописцев] перенести принадлежность к православию как атрибут «русскости» из своего времени в прошлое. Ведь для их времен это соответствие было гораздо более очевидным, нежели в первой половине XV в.

Наконец, прямые свидетельства источников говорят о страшном накале религиозных страстей в Великом княжестве Литовском времен Свидригайловых войн. Еще в период борьбы за Подолию православное население «обращало в пепел» католические костелы и уничтожало самих католиков⁷³. В свою очередь при одном появлении польского католического войска «русины» (т. е. те же православные) разбежались и прятались в лесах со всеми своими семьями и имуществом⁷⁴. Длугош отмечал, что во время осады Луцка обе стороны исполнились кровавой жестокости в отношении пленников⁷⁵.

В 1435 г. по приказу Свидригайло в Витебске был заживо сожжен православный митрополит Герасим⁷⁶. Ранее Герасим затевал распространение унии с папским престолом на Великое княжество. Отношение Свидригайло к этим планам не вполне ясно. Но во всяком случае князь знал о них, и еще в 1434 г. папой римским в качестве противника не рассматривался⁷⁷.

Псковские летописи указывают на причину казни: были перехвачены некие «переветные грамоты» от Герасима к Сигизмунду Кейстутевичу, иными словами, Герасимом готовился заговор против Свидригайло⁷⁸. Можно предполагать, что трения между главой православной коалиции и митрополитом Герасимом могли возникнуть на основе непопулярности дела последнего в среде сторонников Свидригайло.

Полоцк сыграл первостепенную роль в гражданской войне. Белорусский историк П. Лойко в качестве предположения писал о Полоцке как о столице Свидригайло, «столице Великого княжества Русского»⁷⁹. Это абсолютно справедливо. После счастливого спасения от рук заговорщиков, возглавленных Сигизмундом Кейстутевичем, Свидригайло бежит именно в

⁷² Ламанский В. «Белая Русь» // Имя твое Белая Русь. Мн., 1991. С. 18.

⁷³ Długosz... С. 422; Strykowski... С. 183.

⁷⁴ Długosz... С. 412.

⁷⁵ Długosz... С. 419–420.

⁷⁶ Никифоровская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 35.

⁷⁷ Коцебу А. Свидригайло, великий князь литовский. СПб., 1855. С. 31–37.

⁷⁸ Псковская 1-я летопись. Тихановский список // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 43.

⁷⁹ Лойка П. А. Палітычная барацьба ў Вялікім княстве Літоўскім, Рускім, Жамойцкім XIV – першай палове XV ст.: вытокі і вынікі // Старонкі гісторыі Беларусі. Мн., 1992. С. 79.

Полоцк. Некоторые западнорусские летописи сообщают о его бегстве «ко Полоцку и к Смоленску». Но в ряде случаев имеется более точное летописное указание: «пошел на Русь... на Полтеск», «пошел к Полоцку княжिति»⁸⁰. Не позднее 3 сентября 1432 г. беглец именно из Полоцка отправлял письма магистру Ливонского ордена⁸¹. После всякого очередного поражения (под Ошмянами, под Вилькомиром) Свидригайло неизменно направляется в Полоцк, собирать оттуда новые силы. В его войсках было немало полочан, и множество их сложило головы в несчастном для их государя сражении под Ошмянами. В Полоцке Свидригайло отпускал свою армию по окончании походов на Литву, в Полоцке же назначал встречу отрядам орденов немцев⁸². Этот город упорно защищал дело великого князя русского, разбитого под Вилькомиром. Он не сдался войскам князя Михаила Сигизмундовича (осаждавшего Полоцк и Витебск по приказу своего отца Сигизмунда Кейстутевича), хотя под стенами города стояла в течение недели «вся сила литовская». М. Любавский писал об особой верности по отношению к Свидригайло, проявленной тогда некими полоцким и витебским князьями Михаилом и Василием⁸³.

Свидригайло не имел достаточно сил, чтобы оказать поддержку своим полоцким сторонникам. В конце концов решимость к сопротивлению Сигизмунду Кейстутевичу все-таки иссякла: «...полочане и витебляне, не слышавши соби помощи ни от кого, и далися великому князю Жыгимонту Кестутевичу»⁸⁴. Фактически после падения Полоцка и Витебска в 1436 г. шансы великого князя русского на победу свелись к нулю. Эти города были его главным оплотом, причем в большей степени – именно Полоцк. Витебск Свидригайло пришлось еще в 1433 г. брать, и там у него были, следовательно, не одни лишь сторонники⁸⁵.

Что дал Полоцку Свидригайло, и почему город оказывал ему столь деятельную поддержку? Полоцк являлся центром православной епископии, средоточием многочисленных православных церквей и монастырей. Следовательно, у проправославной политики великого князя русского в Полоцке должна была быть прочная поддержка со стороны многочисленного православного духовенства.

Что касается князей и бояр (а судя по материалам так называемой Полоцкой ревизии 1552 г.⁸⁶, Полотчина традиционно являлась центром боярского землевладения), то и первые (в т. ч. упомянутые уже князья Друцкие, располагавшие крупными земельными владениями на Полотчине и Витебщине), и вторые должны были поддерживать Свидригайло, добиваясь отмены невыгодных для них условий Городельской унии.

В 1432 и 1434 гг. Ягайло и Сигизмундом Кейстутевичем были даны привилеи, расширившие круг лиц, которые могли пользоваться важными политическими правами по условиям Городельской унии. Некоторые исследователи полагают, что эти привилеи удовлетворили многих сторонников Свидригайло и отбили у них охоту к дальнейшему продолжению борьбы, поскольку «...русская знать добилась сословного равенства с литовской аристократией»⁸⁷. Но

⁸⁰ Хроники: Литовская, Жмойтская и Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 32. С. 154; Летопись Красинского // Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 141; Летопись Рачинского // Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 163.

⁸¹ Коцебу А. Свидригайло, великий князь литовский. СПб., 1855. С. 143–144.

⁸² Коцебу А. Свидригайло, великий князь литовский. СПб., 1855. С. 178; Летопись Рачинского // Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 164; Новгородская 4-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. С. 207; Псковская 1-я летопись. Тихановский список // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 40.

⁸³ Хроники: Литовская, Жмойтская и Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 32. С. 155; Любавский М.К. Литовско-русский сейм. М., 1900. С. 85.

⁸⁴ Хроники: Литовская, Жмойтская и Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 32. С. 155.

⁸⁵ Strykowski... С. 139–190.

⁸⁶ Полоцкая ревизия 1552 г. / Изд. И.И. Лаппо. 1905.

⁸⁷ Лойка П.А. Палатычная барацьба ў Вялікім княстве Літоўскім, Рускім, Жамойцкім XIV – першай палове XV ст.: вытокі і вынікі. // Старонкі гісторыі Беларусі. Мн., 1992. С. 82; Юхо Я.А. Кароткія нарысы гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мн.,

М. Любавский считал, что привилей 1432 г. не оказал должного эффекта. Б. Пичета отмечал «половинчатость» этого законодательного акта, А. Пресняков подчеркивал, что условия привилея 1434 г. не привели к уравниванию православной и католической шляхты по важнейшему принципу – принципу занятия государственных должностей⁸⁸. Наконец, В. Каменецкий вообще выразил сомнение по поводу освоения привилея 1434 г. в реальной правовой практике. Действительно, привилей 1434 г. если и был компромиссом, то довольно невыгодным для православной знати – права занятия государственных должностей она не получила. Помимо этого обращает на себя внимание и чисто географическая ограниченность привилея: он относился к территории «...наших (Сигизмунда Кейстутевича. – Д.В.) земель литовских и русских»⁸⁹. М. Любавский толковал эту странную географию как Литву и «соединенную с ней Русь в тесном смысле». Но, видимо, более корректным было бы считать, что законодательная сила привилея по данному определению распространялась на те территории, которые к 6 мая 1434 г. (дата утверждения привилея) контролировались Сигизмундом Кейстутевичем. В отношении Литовской Руси это совсем немного – сюда не вошли Полоцк, Витебск, Орша, Борисов и Смоленск, находившиеся тогда под контролем Свидригайло. Но даже если принять трактовку Любавского, то и в этом случае полоцкая знать ничего по привилеям 1432–1434 гг. не получала, так как Полоцк не входил в Русь, связанную с Литвой «в тесном смысле». Поэтому Полотчина и оставалась верна Свидригайло до последней возможности.

По всей вероятности, Свидригайло находил поддержку и у полоцких мещан, поскольку сам оказывал «местичам» города благоволение. А. Хорошкевич обнаружила среди актов Литовской Метрики, в списке XVI в., изложение привилея Свидригайло полочанам. Этим актом князь предоставил полоцким мещанам право владения землей на двух условиях: участие в земском конном ополчении наравне с боярством и содержание в порядке укреплений городского замка⁹⁰. Впоследствии Свидригайлов привилей был подтвержден другими великими князьями литовскими. Надо полагать, литовско-русский государь не стал бы даровать мещанам Полоцка подобные права, не ожидая от них вступления в свое войско. А. Хорошкевич не без основания отмечает: «...грамота Свидригайлы закрепила существовавшее и до того равенство мещан с боярами, создала предпосылки для роста экономического и политического влияния мещанства... они (мещане. – Д.В.) получили доступ к управлению городом и участию в его внешнеполитических отношениях»⁹¹.

Наконец, и вся полоцкая городская община в целом получила от Свидригайло некоторые политические уступки по сравнению с временами правления Витовта. Великий князь Витовт последовательно ликвидировал остатки независимости отдельных земель и городов в составе Великого княжества. До Витовтовых времен Полотчина имела статус самостоятельного княжества. Еще в последней четверти XIV в. этот статус имел реальный политический смысл: он поддерживался авторитетом князя Андрея Ольгердовича Полоцкого. После него титул полоцкого князя носили фактически наместники княжеского происхождения. Некоторое исключение в этом отношении можно сделать для князя Скиргайло Ольгердовича, какое-то время пользо-

1992. С. 144, 145; Любавский М.К. К вопросу об ограничении политических прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском до Люблинской унии. М., 1909. С. 272–273; Kosman M. Orzeł i pogoń. Z dziejów polskolitewskich XIV–XX w. Warszawa, 1992. С. 79; по поводу одного только привилея 1434 г.: Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Литовской унии включительно. М., 1910. С. 65.

⁸⁸ Очерк истории Литовско-Русского государства до Литовской унии включительно. М., 1910. С. 64–65; он же: Литовско-русский сейм. М., 1900. С. 77–78; Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. М., 1961. С. 530; Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1939. Т. 2. Вып. 1. С. 135–136.

⁸⁹ Kamieniecki W. Społeczeństwo litewskie w XV wieku. Warszawa, 1947. С. 39; Белоруссия в эпоху феодализма. Мн., 1959, т. 1. № 45.

⁹⁰ Хорошкевич А.Л. Генеалогия мещан и мещанское землевладение в Полоцкой земле конца XIV – нач. XVI в. // История и генеалогия. М., 1977. С. 143.

⁹¹ РГАДА. Ф. 389. Кн. зап. 37. Л. 343об. – 344; Генеалогия мещан и мещанское землевладение в Полоцкой земле конца XIV – нач. XVI в. // История и генеалогия. М., 1977. С. 144.

вавшегося влиянием в делах большой политики, но он в Полоцке пробыл совсем недолго. Князь Лингвень Ольгердович и Иван Семенович Друцкий, пользуясь словами М. Любавского, «имели значение скорее великокняжеских наместников с княжеской властью, чем полноправных князей...»⁹². Лингвения-Семена сменил наместник Монтигирд, поставленный Витовтом. Монтигирд княжеского титула уже не носил, и с этих пор (90-е гг. XIV в.) традиционным становится назначение полоцких наместников (а затем и воевод) – не князей⁹³. От князей полоцких к великому князю литовскому перешло право утверждать внешнеполитические соглашения Полотчины. В 1392 и 1396 гг. князь Лингвень Ольгердович и Монтигирд, ссылаясь на «повеление Витовта», могли еще самостоятельно, от собственного имени заключать договоры с Ригой. А уже в 1397–1398 гг. Витовт дважды обращается в своих грамотах к рижскому городскому совету, разъясняя, что полоцкие наместники, и в частности Монтигирд, не правомочны заключать какой-либо договор от имени Литвы⁹⁴. Впоследствии Витовт никому не поручал внешних сношений Полоцка. Он позволял полочанам вести переговоры с Ригой, во всяком случае участвовать в них, но договорные грамоты впредь утверждал только сам.

Жесткая объединительная политика Витовта вряд ли встречала сочувствие в русских областях, понемногу терявших свои права фактически независимых государств и превращавшихся в обыкновенные провинции Великого княжества Литовского. По образному выражению А. Дворниченко, русские земли ВКЛ в конце XIV – начале XV в. проявляют «страстное желание» иметь собственного князя и быть самостоятельными. «Это страстное желание русских волостей проходит через все события первой половины XV в.»⁹⁵

Свидригайло дал князей Полоцку и Витебску. Личности этих князей устанавливаются без труда. Западнорусские летописи, повествуя об аресте и казни князя Михаила Ивановича Гольшанского (1433), удачливого воеводы Свидригайло, затем, видимо, изменившего делу великого князя русского, именуют его в некоторых списках князем «полоцким», «полочанским». Именно чести Михаила Гольшанского-Полоцкого принадлежит единственная крупная победа сторонников Свидригайло в открытом полевым сражении. Он разгромил войска литовского воеводы Петряша Монтигирдовича. Его последующий арест и казнь, быть может, связаны с активной деятельностью его родного брата, князя Семена Гольшанского, противника Свидригайло. Полоцкое княжение было получено князем Михаилом Ивановичем не ранее

⁹² Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. № 60; Антонович В. Исследование о городах в Юго-Восточной России по актам 1438–1798. К., 1870. С. 15–22; Любавский М.К. (Отд. отт.) О распределении владений и об отношениях между великими и другими князьями Гедиминова рода в XIV и XV вв. С. 5, 23.

⁹³ Случайное единичное нарушение этой традиции – назначение кн. Ивана Семеновича Друцкого – очевидно, отражает стремление города иметь наместника, что называется, «из своих», т. е. из числа удельных князей Полоцкой земли, имевших на Полоцкое княжение наследственные права. Но в последние два десятилетия княжения Витовта о наличии в Полоцке князей-наместников ничего не известно. Да и само наместничество Ивана Семеновича Друцкого вряд ли сыграло в отношении политического статуса Полотчины серьезную роль: официально правами князя полоцкого владел великий князь литовский Витовт, и уже в начале XV в. он склонен был рассматривать княжение в Полоцке как право, которое он мог передать по наследству. В 1406 г. в тексте Копысского торгового договора между Полоцком и Ригой, заключенного от имени Полоцка Витовтом, во второй части второго пункта было отмечено: «Если случится, что мы или кто-нибудь из наших наследников, полоцкий князь или рижане в Риге учредят стапель, они его должны соблюдать так, как установили». – Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. М., 1977. Вып. 1 / Подг. изд. и комм. А.Л. Хорошкевич. № 37. В данном случае перевод с латыни не совсем корректен и правильное было бы: «...или мы, или полоцкие князья из числа наших наследников...» («...aut nos aut nostri successores domini Ploskovienses...»). В грамотах 1439 и 1447 гг., подтверждавших Копысский договор от имени великих князей литовских Сигизмунда Кейстутевича и Казимира Ягеллона, указанное место остается без изменений. – Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. М., 1977. Вып. 1 / Подг. изд. и комм. А.Л. Хорошкевич. №№ 52, 78. Таким образом, со времен к. XIV – н. XV вв. реальные политические права князей полоцких переходят к великим князьям литовским, а полоцкие наместники – будь они трижды князьями – играют роль великокняжеских ставленников.

⁹⁴ Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. М., 1977. Вып. 1 / Подг. изд. и комм. А.Л. Хорошкевич. №№ 17, 19, 21.

⁹⁵ Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В. «Феодалные войны» или демократические альтернативы? // Вестник СПбГУ. 1992. Сер. 2. Вып. 2. С. 4.

осени 1430 г., когда в Полоцке, по словам самого Свидригайло, то ли княжил, то ли наместничал некий «пан Василий»⁹⁶.

«Великий князь русский» Свидригайло возвратил Полоцку право самостоятельно заключать договоры (по крайней мере с Ригой), утраченное три десятилетия назад, и полочане им воспользовались (не позднее падения Полоцка в 1436 г.). Впоследствии Сигизмунд Кейстутевич вновь это право отобрал.

Таким образом, стремление найти поддержку в городских общинах и завязать с помощью пожалований добрые отношения с ними можно считать одной из характерных черт политики Свидригайло. В отношении Полоцка усилия великого князя литовского увенчались успехом.

Но бурное правление Свидригайло было кратковременным. Столицей Великого княжества Русского Полоцку пришлось быть всего четыре года (1432–1436). Падение Полотчины и Витебщины под напором войск Сигизмунда Кейстутевича и его сына, умелого полководца князя Михаила Сигизмундовича, обессилило лагерь Свидригайло и лишило его надежды на победу. Настало время расставаться с пожалованиями великого князя русского.

Однако положение Полоцка отнюдь не было безнадежным.

Соглашение Сигизмунда Кейстутевича с поляками было, по сути, союзом двух волков против третьего. После поражения сторонников Свидригайло этот союз становится весьма шатким, а положение самого победителя – крайне непрочным. Едва замиренные земли Литовской Руси представляли собой плохой тыл в случае противоборства с Короной Польской, Свидригайло уступил поле боя, но не погиб и сохранил власть над колоссальными владениями, оставаясь их повелителем до самой своей смерти в 1452 г. Он навсегда остался смертельным врагом Сигизмунда Кейстутевича. Находясь в подобной ситуации, последний вынужден был проявить милосердие к недавним своим неприятелям. Но на политические права и привилегии северо-восточных земель Литовской Руси это милостивое отношение не распространялось: Полотчина и Витебщина теряли какую бы то ни было автономию. Они превращались в провинцию Великого княжества Литовского, мало отличавшуюся своим политическим статусом от остальных русских земель в составе Великого княжества Литовского. Полоцк никогда более не имел ни собственного князя, ни наместника княжеского происхождения. Свобода полочан во внешних сношениях навсегда ограничивалась рамками, поставленными Витовтом, и впоследствии все более сокращалась.

Вместе с тем права полоцких мещан, впервые полученные от Свидригайло, были законодательно закреплены⁹⁷. Кроме того, Свидригайло заключал с Полоцком «ряд», договор, и выдал полочанам уставную грамоту, которая была подтверждена, а возможно, и дополнена Сигизмундом. Традиция выдачи уставных грамот восходит ко временам Витовта и в окончательном виде утверждается в уставной грамоте 1511 г.⁹⁸ Но в данном случае важно другое: после поражения в гражданской войне полочане официально сохраняли древние свои права и законы, изложенные в уставной грамоте.

Современный белорусский исследователь И. Юхо считает возможным говорить об установлении режима «Полоцкого права», при котором сохранялись городское «стародавнее право» и «некоторая обособленность», «определенная автономия». Правильнее, наверное, было бы говорить о другом: подобный политический статус распространялся не только на Полоцк и Полотчину, но также на многие другие города и земли Литовской Руси. Стародавнее русское право постепенно адаптировалось к немецкому городскому праву и власти великих

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 35. С. 142, 164, 189, 210, 232 (летописи: Евреиновская, Румянцевская, Ольшевская, Красинского и Рачинского); Wolff J. *Kniaziowie Litewsko-ruscy od Końca czternastego wieku*. – Warszawa, 1895. С. 96; Lewicki A. *Powstanie Swidrygiełły*. Kraków, 1892. С. 78.

⁹⁷ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1 № 60.

⁹⁸ Ясинский М. Уставные грамоты Литовско-Русского государства. К., 1889. С. 54.

князей литовских⁹⁹. Былое полунезависимое положение Полотчины XIV в. навсегда ушло в прошлое. Однако произошла стабилизация правового положения Полоцкой земли в Великом княжестве Литовском. На долгий период было определено отношение Полоцка к великокняжеской власти, местное традиционное право получило прочное законодательное закрепление.

Можно было бы долго рассуждать, насколько более высокое положение заняла бы Полотчина в составе ВКЛ в случае победы Свидригайло. Или насколько более выгодный правовой режим могли бы сохранить полочане при отделении Великого княжества Русского от ВКЛ. Но ни того, ни другого не случилось. Зато поражение в гражданской войне не стало политической катастрофой. Полотчина сохранила вполне достойное положение в Великом княжестве и имела неплохие условия для дальнейшего существования в его государственном организме.

Со второй четверти XV в. до самого конца столетия Полоцк и Полоцкая земля пребывали в мире. В середине XV в. Великое княжество достигло пика своего военно-политического могущества и было одним из сильнейших в военном смысле, а также наиболее крупной по территории державой Европы.

Полоцк к тому времени уже перестал быть центром отдельного княжения, и лицом номер один в нем считался наместник, назначавшийся великим князем. Но статус Полоцка был весьма высоким сравнительно с прочими городами «Литовской Руси». Полоцк долгое время сохранял право иметь самостоятельные дипломатические сношения с Ригой¹⁰⁰. Когда государи-Ягеллоны объезжали восточные пределы своей державы, то по обыкновению они посещали три города: Смоленск, Витебск и Полоцк. В 1411 г. король Владислав Ягайло проездом из Вильно в Киев провел по нескольку дней в Полоцке, Витебске и Смоленске. В 1451 г. король Казимир IV провел большую часть зимы, объезжая эти же три города¹⁰¹. Зимой 1470 г., после сейма в Петркове, окончившегося в декабре 1469 г., он вновь отправился из Вильно в Полоцкую, Витебскую и Смоленскую земли. Монарха сопровождали королева Эльжбета, а также почти все литовские сенаторы и магнаты. Там он «надлежащим образом приводил в порядок литовские дела». В Полоцке король провел неделю, прежде пообещав уладить споры о «порубежных местех» со Псковом, но «управы не учинил никакове» и в начале весны отъехал к Люблину¹⁰². Зимой 1495 г. в Полоцке, Витебске, Смоленске и Орше побывал великий князь литовский Александр со своей женой Еленой Ивановной и «панам ради»¹⁰³.

Звание полоцкого наместника считалось почетным: например, Олелько Судимонтович был поставлен в Полоцк наместником «за большие заслуги в Хойницкой битве». В 1542 г. в числе людей, «...хорошо послуживших Речи Посполитой», получил как награду полоцкое воеводство Станислав Довойна¹⁰⁴.

⁹⁹ Юхо И. Франциск Скорина и его время. Энциклопедический справочник. Мн., 1990. С. 468–469. Автор этих строк имел случай откорректировать это мнение И. Юхо: *Володихин Д.М.* Историко-правовая категория «Полоцкое право» (XV–XVI столетия) // *Терминоведение*, 1994, № 3, С. 24–29; *Володихин Д.М.* «Полоцкое право» XV–XVI столетий // *Володихин Д.М.* Спорные вопросы Белой Руси. Полоцк, 1997. С. 3–7.

¹⁰⁰ Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. М., 1977. Вып. 1, 2 / Подг. изд. и комм. А.Л. Хорошкевич. №№ 105, 107, 114, 128, 129, 131, 132, 139, 140, 151, 153, 166, 170 за 1459–1478 гг.

¹⁰¹ *Długosz...* Т. IV. С. 115; *Długosz...* Т. V. С. 75.

¹⁰² *Długosz...* Т. V. С. 505; *Kronika Marcina Bielskiego // Zbior dziejopisów polskich*. Warszawa, 1764. Т. 1. С. 403; *Kronika Marcina Kromera // Zbior dziejopisów polskich*. Warszawa, 1767. Т. III. С. 698; Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 2. С. 169. – При чем псковская летопись сообщает, что до этого Казимир не показывался в Полоцке 21 год, а Длугош и вслед за ним Кромер и Бельские указывают на срок в 16 лет. То есть вполне вероятно, что король побывал в Полоцке также в 1449 г. и 1454 г.

¹⁰³ *Strykowski M.* *Kronika polska, litewska, zmodzka...* Warszawa, 1846. Т. II. С. 298; Сборник Русского исторического общества. Т. 35. С. 184; Хроника Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 17. Стб. 554; о пребывании Александра в Полоцке через несколько лет после того, как он «на кня[же]нь[е] сел», сообщает также одна из русскоязычных граффити полоцкого Спасского собора Спасо-Евфросиньева монастыря.

¹⁰⁴ *Strykowski...* Т. II. С. 250, 399.

Неоднократно полоцким наместникам и воеводам приходилось отправлять функции официальных представителей Великого княжества Литовского в переговорах с Московским государством или же просто исполнять роль послов в Москве.

В середине 1490-х гг. полоцкий наместник Ян Юрьевич Заберезынский вел через воеводу новгородского Якова Захарыча переговоры о перемирии между Литвой и Москвой, а затем и о сватовстве великого князя Александра к дочери Ивана III Елене. В 1495 г. он был в числе «старших» в сопровождении Елены Ивановны из Москвы в Литву. Он же в 1501 г. пытался договориться о перемирии в очередной войне, но безуспешно. Осенью 1508 г. посольство Великого княжества в Москву возглавил полоцкий наместник Станислав Глебович. В октябре им был заключен «вечный мир». Мир продлился четыре года, и еще десять лет шла война. Новое перемирие в 1522 г. в Москву поехали заключать опять-таки полоцкий воевода Петр Станиславович Кишка и Богуш Боговитинович. Тот же П.С. Кишка возглавил литовское посольство в Москве в 1526 г., когда заключенное перемирие было продлено. Полоцкий воевода Станислав Довойна «поехав в посольстве от короля в Москву, взял перемирие...» в 1553 г.¹⁰⁵ Таким образом, исполнение полоцкими наместниками и воеводами одного из столь важных государственных поручений было скорее правилом, нежели исключением.

Немалым авторитетом обладала и Полоцкая епископия (позднее архиепископия). От 1488–1489 гг. сохранилась челобитная от русских князей Великого княжества Литовского к Цареградскому патриарху о благословении на Киевскую митрополию избранного ими Полоцкого архиепископа Ионы. В 1500 г. Полоцкий архиепископ Лука участвовал в соборе, поставившем митрополитом Киевским Иосифа. Именно из Полоцка ставились православные попы в Ригу, в церковь Св. Николая¹⁰⁶.

Наконец, Полоцк получил Магдебургское право в 1498 г., раньше большинства белорусских городов. В городах Московского государства «...не сложилось ни специфическое “городское” право, ни собственные городские вольности»¹⁰⁷, а там, где они все же имелись (Новгород, Псков), в течение XVI в. пришли в ничтожество. По сравнению с их правами и обязанностями Магдебургия давала на порядок более благоприятный правовой режим. В сравнении же со всей Европой Магдебургское право было неким «средним вариантом». Оно имело чрезвычайное распространение в Германии и Польше (в т. ч. его варианты – Хелмское и Шродское право), и с этой точки зрения присвоение его стало актом унификации белорусских и польских городов. Но существовали также версии городского права, исключавшие какое бы то ни было вмешательство внешней власти в городскую жизнь. Например, право, по которому жили города Ганзы, или полная независимость и самостоятельность итальянских городов-государств. Вечное право Полоцка именовалось в летописях «полоцкая Венеция, або свобода». Однако со времен включения Полоцка в состав Литовско-Русского государства его самостоятельность понемногу приходила в умаление, в особенности с внешнеполитической точки зрения.

¹⁰⁵ Государственный архив России XVI столетия / Подг. изд. А.А. Зимин. М., 1978 (далее – Государственный архив). Ч. 1, ящик 3, комм.: С. 106; ящик 168, комм.: Ч. 2. С. 377–378; Ч. 1, ящики 4–5, комм.: С. 109–110; Сборник Русского исторического общества. Т. 35. С. 168, 637–642, 710–731; Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. Л. 100–100 об.; *Strykowski*... Т. II. С. 407; Краткая Волынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 123; *Карпов Г.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским // Чтения в Обществе истории и Древностей российских. 1866. Кн. IV. С. 11–12, 25, 76–77; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб. Т. II. № 43; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 93; *Хорошкевич А.Л. Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии»* // Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 24.

¹⁰⁶ Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. М., 1977–1980. Вып. 1, 2, 3 / Подг. изд. и комм. А.Л. Хорошкевич. №№ 162, 181, 292, 303, 311 за 1476–1510 гг.; *Сапунов А.* Витебская старина. т. V. 1885. №№ 24, 27 (1521, 1523 гг.); Краткая Волынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 125; Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильно, 1867. Т. 1. № 2.

¹⁰⁷ *Кобрин В.Б., Юрганов А.Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы). // История СССР. 1991, № 4. С. 60.

Во времена наместников, в середине XV в. «...к суду наместников перешла часть компетенций веча...»¹⁰⁸. И Магдебургия была способом точного разграничения полномочий наместника, т. е. представителя великокняжеской власти, и институтов городского самоуправления, оставшихся со времен господства вечевого права. Это был некий правовой компромисс между крупнейшим белорусским городом и великим князем литовским. В определенном смысле Магдебургия утвердила власть великого князя над Полотчиной, поскольку, приняв ее из рук сюзерена, полочане с этого момента могли ожидать изменений, уточнений, подтверждений, приказов о неукоснительном соблюдении или же, напротив, отмены оной – только от сюзерена же.

К концу XV в. Великое княжество Литовское уже не располагало военно-политическим потенциалом, необходимым для удержания всей своей громадной государственной территории. М. Тишкевич (Михаил Литвин) следующим образом охарактеризовал литовское рыцарство конца XV – начала XVI в.: «Силы москвитян и татар значительно менее литовских, но они превосходят литовцев деятельностью, умеренностью, воздержанием, храбростью и другими добродетелями, составляющими основу государственной силы»¹⁰⁹. По мнению польских историков, походы Витовта последних лет его правления составили апогей успехов Литвы в подчинении русских земель. При Казимире Ягеллончике происходит вынужденный отказ от дальнейшей экспансии на Руси, и основной внешнеполитической целью становится удержание уже подвластных территорий. Договор 1449 г. с Василием II оказался переломным моментом между эпохой литовского доминирования и эпохой быстро растущей московской мощи. Литовское рыцарство от долгого пребывания в мире обленилось и утратило воинственность, шляхетское войско Великого княжества мало соответствовало требованиям современного военного искусства, казна «никогда не бывала полной»¹¹⁰.

Военно-политическая инициатива во второй половине XV в. перешла от Литвы к Московскому государству и татарским ханствам – осколкам Золотой Орды. В Полоцке между тем внешнее давление почувствовали в последнюю очередь: город был «прикрыт» от набегов татар южнорусскими и белорусскими землями, а от походов московских армий – Витебском, Смоленском, Дорогобужем, Торопцом, входившими тогда в состав Великого княжества Литовского. Более того, до 1480-х гг. дополнительным «щитом» были не покоренные еще Москвою Тверь и Новгород, а до 1510 г. – отчасти еще и Псков. Полоцк в последней четверти XV в. оставался «глубинным» городом Великого княжества, первые столкновения Московского государства и Литвы не задели Полотчину.

Иван III, присоединив Тверь и Новгород, принял в 1485 г. во внешних сношениях титул «государь всея Руси» (т. е. и «Руси литовской») и позднее, в 1499 или 1500 г., потребовал «возвращения» своей «вотчины» – всех русских земель до Березины¹¹¹, в том числе Киева, Полоцка и Смоленска. Это требование настойчиво повторялось во всех московско-польско-литовских переговорах XVI в., вплоть до поражения Ивана IV в Ливонской войне.

Тогда же усиливается натиск татар, от которого страдали прежде всего Подолия, Воынь, Киевская земля, реже – белорусские земли. Но в начале XVI в. набеги крымцев в ряде случаев достигали и белорусских городов. В 1506 г. царевич Махмет-Гирей с Бати-Гиреем и Бурносом (Бурнашем?) спалил минский посад и отправил «загоны» по всей Северной Белоруссии. Осаждены были Новогрудок, Слуцк; Полоцкая, Витебская и Друцкая земли преданы были огню

¹⁰⁸ *Копыцкий З.Ю.* Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII в. Мн., 1975. С. 74, 77.

¹⁰⁹ *Михаил Литвин* // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев. Вып. 2. 1890. С. 23–26.

¹¹⁰ *Marceli Kosman.* Historia Białorusi. Wrocław и др. (Ossolineum), 1979. С. 100; *Natanson-Leski.* Rozwój terytorialny Polski. Warszawa, 1964. С. 102, 115–117.

¹¹¹ *Kronika Marcina Kromera* // Zbiór dziejopisów polskich. Warszawa. Т. III. Warszawa, 1767. С. 768; *Kronika Marcina Bielskiego* // Zbiór dziejopisów polskich. Warszawa, 1764. Т. 1. С. 439; *Strykowski...* Т. II. С. 309; *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 64; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 85.

и мечу. Разорив громадную территорию, Махмет-Гирей безнаказанно вернулся восвояси¹¹². За один только поход в мае 1506 г. перекопские татары, согласно Хронике Кромера, увели 100 тыс. пленников. В 1509 г. огромное войско вновь вторглось в глубь территории Великого княжества, и отдельные отряды доходили даже до Вильно.

По замечанию А.А. Зимина, «...в декабре 1489 г. начался массовый переход верховских князей на русскую сторону». Неспособность Великого княжества противостоять набегам крымцев и опасность потерять свои владения в разгорающемся конфликте с Москвой заставили многочисленных полунезависимых владык мелких княжеств на Смоленщине, Верховской и Северной землях по одному переходить на сторону более сильного государя – великого князя Московского¹¹³.

Поход московских войск на Любутск в августе 1492 г. открыл период непрекращающихся войн между Московским государством и Великим княжеством Литовским. В первой московско-литовской войне 1492–1494 гг. Литва потерпела поражение. Но Полоцк ни в малой степени не был задет в ходе развернувшихся боевых действий – его «прикрытие» еще не было сорвано.

Великий князь литовский Александр предпринял действия, приведшие в итоге к самым плачевным для него последствиям. До конца XV в. нерушимость православия на русских землях Великого княжества Литовского была чем-то само собой разумеющимся. М. Меховский в своем трактате «О двух Сарматиях» писал, что «...в Полоцке, Смоленске и затем к югу за Киев все... держатся греческого обряда и подчиняются патриарху Константинопольскому»¹¹⁴. Великий князь Александр сделал попытку принудительного введения унии среди всего православного населения, а также оказал давление на свою жену Елену Ивановну, дабы она оставила православие¹¹⁵. В частности, в Полоцке между 1497 и 1500 гг. был основан бернардинский костел, и ему передана была земля, которой до этого владела православная церковь Святого Петра¹¹⁶. По причине «нужи о греческом законе» в 1500 г. на сторону Ивана III перешло сразу несколько сильнейших князей, ранее служивших Александру. Среди них – князья С.И. Бельский, С.И. Можайский и М.В. Шемячич. В 1499 г. на сейме была подтверждена Городельская уния с католической Польшей, но об этом даже опасались распространяться, не желая вызвать лавину княжеских переходов¹¹⁷.

Религиозно-политический конфликт был серьезнейшей причиной очередной московско-литовской войны, поскольку православие являлось мощным козырем великих князей московских в борьбе за влияние на территории «Литовской Руси». Авторитет московского государя был бы подорван, не прими он энергичных мер к защите православия...

Последовавшая война 1500–1503 гг. была, по сути, растянувшейся на несколько лет военной катастрофой Великого княжества Литовского.

Со времен этой войны начинается период непосредственного вовлечения Полотчины в орбиту нескончаемых московско-литовских столкновений. Летом 1500 г. войска Великого княжества Литовского потерпели ряд поражений, армия гетмана К. Острожского в июле была разгромлена на Ведроше. В августе московские воеводы А.Ф. Челяднин, наместник новгородский, и кн. А.В. Ростовский, наместник псковский, с князьями Волоцкими Федором Борисо-

¹¹² Strykowski... Т. П. С. 327; Хроника Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 17. Стб. 567 и прим.; Хроника литовская и жемойтская // Полное собрание русских летописей. Т. 32. С. 101.

¹¹³ Зимин А.А. *Россия на рубеже XV–XVI столетий*. М., 1982. С. 96; Пащито В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 142; Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 203.

¹¹⁴ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936. С. 109.

¹¹⁵ Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 8. С. 238; Базилиевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства второй половины XV века. М., 1952. С. 433–442.

¹¹⁶ Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. М., 1980–1982. Вып. 3 / Подг. изд. и комм. А.Л. Хорошкевич. №№ 248, 249; Вып. 4. С. 36, 163–165.

¹¹⁷ Wasilewski L. *Litwa i Białorus. Przeszłość-terazniejszość – tendencje rozwojowe*. Kraków, 1913. С. 36.

вичем и Иваном Борисовичем овладели Торопцом. Двигаясь дальше, они «...многие волости и села около Полоцка и Витебска поплениша и огнем пожгоша...»¹¹⁸. Для организации обороны в сентябре 1500 г. великий князь Александр прибыл в Полоцк, укрепил город, а также управлял оттуда укреплением Смоленска, Витебска и Орши. Не имея достаточно собственных сил, он набрал наемное конное и пешее войско из поляков, силезцев, чехов и моравов во главе с Яном Черным, чехом или поляком. Но в 1501 г. Александру вновь не удалось помешать наступлению армий Ивана III. 4 ноября под стенами Мстиславля кн. А.В. Ростовский нанес литовским войскам страшное поражение. Корпус Яна Черного был переброшен на защиту Полоцка. Но московские воеводы не предпринимали попыток овладеть городом. Поэтому, очевидно, литовское командование сочло возможным превратить Полоцк в операционную базу для нанесения контрудара. Осенью 1501 г. Ян Черный ходил на помощь ливонскому магистру Плеттенбергу к Острову, но, дойдя до Опочки, он узнал, что тот уже взял Остров и сжег его. Попытка Яна Черного взять Опочку не увенчалась успехом, и он отошел назад. В апреле 1502 г. королевский дворянин и боярин полоцкий Петряш Епихамович «приходил... с желныри ис Полоцка на Пуповичи (волость Великих Лук. – Д.В.)... и дети боярские от князя великого многих жолнырь избиша, а иных поимаша»¹¹⁹. Контрудара, таким образом, не получилось.

В августе – октябре 1502 г. князь Дмитрий Иванович Жилка ходил с ратью под Смоленск, но не смог его взять. Из-под Смоленска он посылал отряды «за Мстиславль по Березыню, и по Витебск, по Полтеск и по Двину». Дело ограничилось взятием Орши, разорением волостей и сожжением посада у Витебска¹²⁰.

Перемирие, заключенное в августе 1503 г., по мнению К. Базилевича и польского историка Я. Натансона-Лески, определив новую границу, дало Московскому государству «благоприятные условия... для наступления на Смоленск, Витебск и Полоцк»¹²¹. Во всяком случае, после 1503 г. Полоцк становится пограничьем. И в еще большей степени он примет роль порубежного пункта после взятия в 1514 г. Смоленска армией Василия III.

В ходе войны 1512–1522 гг. Полоцк лишился последнего своего «щита» – Смоленска. Первые годы войны ознаменованы были упорным стремлением великого князя московского Василия III овладеть этим городом. В период борьбы за Смоленск 1512–1514 гг. Полотчина становится отдельным, самостоятельным направлением для походов московских воевод.

К декабрю 1512 г. – марту 1513 г. относится первый неудачный поход Василия III под Смоленск, и одновременно от великих Лук на Полоцк двинулась большая армия во главе с кн. М.В. Горбатым-Шуйским по прозвищу Кислый. М.В. Горбатый вел «новгородскую силу» и «псковских детей боярских». Но Полоцка ему взять не удалось, и войска повернули к Смоленску, на соединение с Василием III¹²². Летом 1513 г. великий князь вновь пошел на Смоленск,

¹¹⁸ Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 32. Прил. 2. С. 196–197; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 57–60.

¹¹⁹ Хроника Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 17. Стб. 561; Свод 1518 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 28. С. 335–336; Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 20. Ч. 1. С. 373; Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 8. С. 241; Иосифовская летопись (далее: Иос.). М., 1957. С. 144; Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. М., 1980. Вып. 3 / Подг. изд. и комм. А.Л. Хорошкевич. №№ 193, 268; Вып. 4. С. 7, 182; *Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий*. М., 1982. С. 188; *Kronika Marcina Kromera // Zbiór dziejopisów polskich*. Warszawa. Т. III. Warszawa, 1767. С. 568; *Strykowski...* Т. II. С. 310; *Papee F. Aleksander Jagiełłńczyk*. Kraków, 1949. С. 41.

¹²⁰ Сборник Русского исторического общества. Т. 41. С. 439, 461, 491–492, 532; *Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий*. М., 1982. С. 392; *Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства второй половины XV века*. М., 1952. С. 495; *Карпов Г. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским // Чтения в Обществе истории и Древностей российских*. 1866. Кн. IV. С. 98. – Ошибочно сказано, что под Смоленск и Витебск ходил сам Дм. Жилка.

¹²¹ *Natanson-Leski J. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej*. Lwów – Warszawa, 1922. С. 122; *Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства второй половины XV века*. М., 1952. С. 521.

¹²² Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 52; Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 1. С. 97; Вып. 2. С. 259.

затем остановился в Боровске, а с полками отправились кн. Репня-Оболенский и А. Сабуров. В сентябре к Смоленску двинулся и сам Василий III.

В этот момент – когда шла ожесточенная борьба за Смоленск – «полоцкая проблема» стала «родной» для семейства Шуйских. Славный город Полоцк оставил в истории княжеского рода длинную огненную борозду...

11 августа из Великих Лук вышли к Полоцку войска под командой князя В.В. Шуйского. В его распоряжении имелось 5 полков. Эта огромная сила предназначена была не для разорительных экспедиций, не для демонстрации московской мощи, а для взятия города... но с решением этой своей задачи не преуспела. Общее командование московскими армиями в районе Полоцка и Витебска осуществлял князь М. Глинский, располагавший, по преувеличенному, как полагал А.А. Зимин, данным, 32 тыс. чел., в том числе 24 тыс. чел. – под Полоцком. На сей раз Полоцк упорно штурмовали. Однако город был деблокирован извне действиями многочисленной литовской армии. Под стенами города полки В.В. Шуйского понесли тяжелые потери и были отозваны «из литовския земли и из-под Полотцка... по своим домом...». Полк же М.В. Горбатого отошел к Смоленску. Впрочем, под Смоленском московских воевод опять ожидала неудача¹²³.

Летом 1514 г. Василий III в третий раз приступил к Смоленску и взял его 30 июля. Но в сентябре под Оршей была разбита армия воеводы А. Челяднина, что привело к потере ряда небольших городов: Дубровны, Мстиславля, Кричева, сдавшихся польскому королю Сигизмунду. В отместку весной 1515 г. в восточно- и северобелорусские земли отправлены были две рати: одна из них пошла под Мстиславль (с «загонами» на Оршу и Кричев), вторая же, возглавленная кн. А.Д. Ростовским и Г.Ф. Ивановым, традиционно ударила от Великих Лук на Полоцк. Но результаты этого похода были невелики: «полону имали безчисленно, а городу не взяли ни одного»¹²⁴.

В 1517 г. король Сигизмунд, стремясь перехватить инициативу, набрал мощную наемную армию из немцев, венгров, чехов и пр. и пришел с нею в Полоцк. Оттуда он отправил войска К. Острожского, усиленные корпусом наемников, на «псковский пригород» Опочку. Сам Сигизмунд оставался «с малыми людьми» еще некоторое время в Полоцке, а затем отбыл в Вильно. К. Острожский и посланные ему на помощь отряды потерпели в октябре под Опочкой серьезное поражение¹²⁵.

Летом 1518 года Московское государство нанесло ответный удар. Рать, состоящую из пяти полков, посохи и наряда (псковских и новгородских пушек), вел новгородский наместник кн. В.В. Шуйский. Войско Шуйского насчитывало, по сведениям Хроники Бельских, 7000 чел.¹²⁶ К нему впоследствии прислан был на подмогу кн. М.В. Горбатый Кислый с московскими полками. Другой отряд был разбит по дороге к Полоцку Ежи Радзивиллом. И все же под стенами города собрались значительные силы, располагавшие мощной артиллерией: «наряд» вначале переправляли на судах по реке Великой, а потом везли на телегах и лошадях. Под Полоцком поставлены были туры, и осажденные несли большой урон от артиллерийского

¹²³ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 52; Иос., С. 194; Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 2. С. 259; *Рябиши И.С.* Новое известие о Литве и Московитах. М., 1906. С. 8–9; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 155, 156.

¹²⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 55; Устюжская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 37. С. 52.

¹²⁵ Постниковский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. С. 12; Свод 1518 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 28. С. 353; Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 26. С. 306; Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 20. Ч. 1. С. 392; Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 8. С. 263; Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 1. С. 99; Сборник Русского исторического общества. Т. 53. С. 64; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 183–184; *Kronika Marcina Bielskiego // Zbiór dziejopisów polskich.* Warszawa, 1764. Т. 1. С. 485; *Strykowski...* Т. II. С. 391.

¹²⁶ Один из полков в армии князя Василия Васильевича Шуйского возглавлял его брат князь Иван Васильевич Шуйский, родной дед и «тезка» героя этой книги.

обстрела. Но гарнизон, возглавленный видным литовским магнатом А. Гаштольдом, оказывал упорное сопротивление. Московские войска голодали под Полоцком: дорог был фураж, а «колпак сухарей» стоил алтын и более. В одну из ночей Гаштольд сделал вылазку в Задвинье и перебил там фуражиров, отправившихся «на добыток». Затем к городу подошел «воевода Волынец» – очевидно, Ян Боратынский. Он переправился вброд через Двину, в то время как Гаштольд ударил в тыл московским войскам. Полки Шуйского не выдержали и отступили. 11 сентября московские воеводы пришли к Вязьме, едва ли сохранив бывший с ними под Полоцком наряд¹²⁷.

Итак, предкам князя И.П. Шуйского с Полоцком не везло: они никак не могли разгрызть этот орех. Можно предположить, что успех под Полоцком становился для них в какой-то степени «делом чести».

Война уже, по сути дела, догорала, оба противника были измотаны до крайности. «На излете» военных действий в Полоцкие места пришла еще одна легкая московская рать: этот поход А. Сапунов относил к 1519 г., а А.А. Зимин – к началу 1520 г. Воеводы Д.В. Годунов, кн. П.И. Елецкий и кн. И.М. Засекин с отрядом татар «ходили... к Витебску и Полотцку, да пришед, у Витебска посад пожгли и острог взяли и людей много побили, а иных поймали...»¹²⁸.

С начала XVI в. (и совершенно ясно это стало в 1510-е гг.) белорусские города стали сдаваться воеводам Ивана III, а затем и Василия III, с большой неохотой. Пример Полоцка, кстати говоря, подтверждает подобное утверждение. Именно в эти годы происходит массовая раздача великими князьями литовскими привилеев на Магдебургское право белорусским городам. В 1496 г. Магдебургию получил Гродно, в 1499 г. – Минск, в 1501 г. – Бельск-Подляский и т. д., в том числе ряд небольших городов и местечек, для которых, очевидно, получение Магдебургского права было однозначным благом. Нежелание терять Магдебургию, войдя в состав Московского государства, надо полагать, подпитывало стойкость их сопротивления.

В 1522 г. было заключено долгожданное перемирие.

Впрочем, мир на московско-литовском рубеже не был настоящим, его постоянно нарушали мелкие стычки, набеги, локальные приграничные усобицы. К полоцкой истории это имеет прямое отношение, поскольку полоцко-витебское порубежье было одним из самых «горячих» районов.

В 1522–1532 гг. литовские послы неоднократно жаловались Василию III на то, что некие его «казаки... воюют города королевы...» – в том числе и Полоцк. На что они неизменно получали от имени великого князя ответ: мы указали «не вступаться», «мы... велели управу учинити»¹²⁹.

В 1528 г. русско-литовские отношения резко обострились, в Полоцке и Витебске с тревогой готовились к новому вторжению наших войск, но тогда до новой войны не дошло¹³⁰.

В 1534 г. в Полоцке происходило судебное разбирательство, поводом к которому послужили разбой слуг боярина Охромея Орефыча в конце 1533 – начале 1534 гг. в порубежных псковских землях. Недовольство полочан было вызвано тем, что «...а ними (т. е. за разбойниками) погони приходят»¹³¹.

¹²⁷ Владимирский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 30. С. 143; *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 72; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 64; Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 1. С. 100; Вып. 2. С. 226; Сборник Русского исторического общества. Т. 95. С. 535; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 189; *Kolankowski L.* Polska Jagiełłonów. Dzieje polityczne. Lwów, 1936. С. 213.

¹²⁸ Сборник Русского исторического общества. Т. 53. С. 195–197, 203, 212; 1885. Витебская старина. Т. IV. С. 24; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 201–207; *Kolankowski L.* Polska Jagiełłonów. Dzieje polityczne. Lwów, 1936. С. 214.

¹²⁹ Беларуські архіу. Мн., 1928. Т. II. № 282. С. 202–204.

¹³⁰ *Крам М.М.* Стародубская война 1534–1537. Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. С. 14–15.

¹³¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 35. С. 622, 676, 679, 867, 868.

На протяжении первой трети XVI в. весь северобелорусский регион был лишен какой бы то ни было политической стабильности и жил на положении военного времени. В ожидании очередной войны по приказу московского командования составлен был чертеж «Лукам Великим и псковским пригородком с литовским городом Полоцком»¹³².

Отнюдь не всегда инициатором нового конфликта выступало Московское государство. После смерти в 1533 г. Василия III король Сигизмунд, не без основания рассчитывая на замешательство в московских верхах, на борьбу за власть при малолетнем наследнике Иване Васильевиче, будущем грозном царе Иване IV, решил силою «вернуть потерянное».

Война 1534–1537 гг. в польской исторической литературе оценивается как акция, результаты которой оказались ничтожны, несоизмеримы огромным приложенным усилиям. Московское государство понесло незначительный территориальный урон, но приобрело на литовской границе мощный форпост – Себеж¹³³. За последнюю попытку Ягеллонов восстановить положение времен Казимира IV расплатились прежде всего белорусские земли. В 1534–1535 гг. московские воеводы несколько раз проходили их во всех направлениях фактически безнаказанно.

В ноябре 1534 г. начался первый поход: из Можайска с полками пошли князя М.В. Горбатый Кислый и Ив. Ф. Овчина, а из Новгорода выступил князь Б.Ив. Горбатый. Однако осенью 1534 г. литовский рубеж переступили лишь небольшие силы наместников Пскова и Великих Лук – Дм. Воронцова и князя Ив. Палецкого. Они воевали под Полоцком и Витебском, «... плениша землю литовскую на 300 верст, приидоша вси Богом сохранены».

Основные русские армии вышли из Опочки и Смоленска в начале февраля 1535 г. и двинулись друг к другу навстречу. Армия М.В. Горбатого шла по маршруту Дубровна – Орша – Бобыничи – Боровичи, т. е. в том числе и по южным волостям Полотчины. В Мстиславле московским воеводам удалось взять «острог». Рать Б.И. Горбатого, вероятно, разделившись, воевала на огромной территории от Бряслава до Витебска и от Полоцка до Сенно. Оба войска соединились либо в Молодечно, либо где-то под Молодечно, в «королевском селе Голубичах». Московские отряды грозили Вильно с расстояния всего в 15 верст, король же Сигизмунд «бе тогда в Вильне и не успе ничтоже». На обратном пути воеводы шли через Бряслав и Друю, в общем направлении на Себеж и Опочку, т. е. задевая северные волости Полотчины. Окрестности города подверглись пожарам и разорению. Отряд князя Ивана Шуйского¹³⁴ напал на Витебск, отделившись от основных сил. Все московские рати беспрепятственно вышли в пределы Московского государства в конце февраля – начале марта 1535 г. Причем разорение, которое творили воеводы, было выборочным, «политичным»: «многих поимали в плен, а иных многих по своей вере православной милость оказали и отпускали; а церкви Божия велели честно держати всему своему воинству, а не вредити ничем, не вынести чего из церкви».

В начале 1535 г. на линии Витебск – Полоцк поставлен был небольшой корпус для наблюдения за московскими войсками и защиты этого рубежа. В него вошли силы полоцкого и витебского воеводств, князя Ю.С. Слуцкого и жемойтские хоругви. Корпус возглавил князь Ю.С. Слуцкий, при нем же были воеводы Полоцка и Витебска Ян Глебович и Матвей Янович. Но в июне 1535 г. В.В. Шуйский ударил из Можайска на Могилев и произвел большие разорения. В феврале 1536 г. киевский воевода А. Немирович и полоцкий воевода Ян Глебович ходили под Себеж, однако оборонявший Себеж Иван Засекин сумел отбиться¹³⁵.

¹³² Государственный архив... Ч. 1. Ящик 57; Ч. 2. С. 224.

¹³³ *Kolankowski L.* Zygmunt August. Lwów, 1913. С. 147; *Wasilewski L.* Litwa i Białorus. Przeszłość-terazniejszość – tendencje rozwojowe. Kraków, 1913. С. 38; *Natanson-Leski J.* Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Lwów – Warszawa, 1922. С. 130.

¹³⁴ По всей видимости, тот же Иван Васильевич, дед главного героя этой книги.

¹³⁵ Летописец начала царства // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 15; Александро-Невская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. С. 129; II Софийская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 6. С. 293; Постниковский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. С. 168; Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 8. С. 287–288; Евреинновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 236–237; Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. т. 26. С. 316; Львовская летопись // Полное собрание рус-

Не требуется богатого воображения, чтобы представить себе, в каком состоянии находились к концу войны северобелорусские земли. Особенно если учесть наличие в московских войсках приданных отрядов служилых татар и наряда... Территории Московского государства в районах боевых действий подверглись не меньшим разорениям. 1537 год на четверть века закрыл эпоху непрерывных войн Москвы и Литвы.

За три с половиной десятилетия с начала века Полоцк превратился из мирного города-торговца в опорный пункт номер один северо-восточных рубежей Великого княжества Литовского и одну из главных мишеней походов московских войск. Полотчине был нанесен страшный ущерб. И передышка, которая выпала на долю этой многострадальной земли в конце 1530-х – начале 1560-х гг., дала возможность восстановить силы перед новыми, еще более жестокими потрясениями Ливонской войны.

ских летописей. Т. 20. Ч. 2. С. 426–427; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 85–87; Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 1. С. 106; Тихомиров М.Н. Малоизвестные памятники XVI в. // [Исторические записки АН СССР. Вып. 10](#). 1941. С. 90 (Костровский летописец); *Kolankowski L. Zygmunt August. Lwów*, 1913. С. 139, 147–148.

Глава 5

ВЗЯТИЕ ПОЛОЦКА

С середины 1530-х гг. более четверти века мир царил на Полоцкой земле. Московское государство и Великое княжество Литовское, в достаточной мере испытав силы друг друга в предшествующие пятьдесят лет, долгое время избегали серьезных конфликтов. Внешнеполитические приоритеты Москвы переместились на восток: основные силы брошены были на борьбу с Казанью, Астраханью и Крымом. С 1558 г. московский государь был занят войной в Ливонии.

Но так не могло продолжаться бесконечно. Две огромных державы должны были вновь схлестнуться – рано или поздно. Московские государи считали «Литовскую Русь» своим владением, вотчиной Рюрикова рода, временно утраченной предками. Они желали ее вернуть – всю, со всеми городами и областями, расположенными на территории прежней Киевской Руси. Общее вероисповедание связывало Россию и «литовскую Русь». Давно знакомое давление католицизма и новая угроза протестантского наступления заставляли подданных великого князя литовского обращать взоры к Москве. В то же время Вильно и Варшава всё больше и больше сближались. Интересы русского православного населения все больше и больше оказывались чужими, ненужными, да и просто опасными для монархов Польско-Литовского государства. Земли, отвоеванные Россией на западе, представлялись виленским политикам такой же «временно потерянной территорией», какую в Москве видели в русских областях, еще оставшихся под властью Вильно. Проще говоря, Москва считала, что давно пора забрать у Литвы Полоцк – как плод, созревший и перезревший, а потому просящийся в руки; в Вильно же недоумевали: почему это московский государь до сих пор удерживает Смоленск, Вязьму, Новгород Северский – какая несправедливость!

И вот в начале 1560-х на Полоцке как будто свет клином сошелся. Ожесточенная борьба двух великих держав подходила к его стенам все ближе и ближе, покуда город не захлестнуло море огня...

Столкновение интересов Московского и Польско-Литовского государств было неизбежным. Оно произошло в рамках большого вооруженного противоборства за Ливонию и создало почву для новой кровопролитной войны между ними.

1560 годом завершился первый период Ливонской войны, период блистательных успехов московских войск. С этого времени начала осложняться международная обстановка на Балтике. Острова в Рижском заливе были куплены у епископа Эзельского датчанами. В 1561 г. Ревель присягнул на верность шведскому королю Эрику XIV. В том же году ливонские земли, еще не занятые войсками Ивана IV, окончательно отложились в пользу Польско-Литовского государства. Таким образом, Ливония была буквально разорвана четырьмя враждующими державами.

Военные кампании 1561 и 1562 гг. не принесли решающего успеха ни Польше, ни Московскому государству. Победы русских войск под Перновом и Тарвастом сменились поражением у Невеля.

Попытка сватовства Ивана IV к Екатерине Ягеллонке, сестре польского короля Сигизмунда Августа, окончилась неудачей, и это лишь подлило масла в огонь войны. Польский историк К. Пиварский справедливо отмечал, что переговоры о браке русского царя и Екатерины Ягеллонки «углубили взаимные противоречия»¹³⁶. Известный историк-писатель К. Вали-

---

¹³⁶ *Piwariski K. Niedoszła wyprawa t. zw. Radoszkowicka Zygmunta Augusta na Moskwę (rok 1567—68) // Ateneum Wilenskie. Rok IV. Zeszyt 13. 1927. С. 261.*

шевский называл Екатерину «новой Еленой, из-за которой собирались воевать народы»¹³⁷. В 1562 г. она вышла замуж за Иоанна (Юхана), герцога Финляндского, будущего короля Швеции. Эта неудача должна была быть вдвойне досадной для Ивана IV, поскольку «невесту» перехватил отпрыск «мужичьего», по его мнению, рода шведских королей. Он сам был в то время женат на Марии Темрюковне, и сватовство к Екатерине Ягеллонке выглядело с точки зрения христианских идеалов чудовищно. Но в глазах Ивана IV подобные вещи не были позорными и недопустимыми: он ставил себя выше любых обычаев, законов, канонов христианства.

С военной и дипломатической точек зрения претензии Московского государства на Ливонию были поставлены под сомнение. И разрубить узел противоречий можно было только решающим военным успехом. Русско-польские переговоры в начале 1562 г. к заключению перемирия не привели. Более того, Сигизмунд Август искал союзника в крымском хане Девлет-Гирее, ожидая, что осенью – зимой 1562 г. тот либо сам вторгнется в московские земли, либо отправит «царевича с войском» и тем самым оттянет русские силы на себя¹³⁸ (чего не произошло).

Остаться один на один с Москвой Польско-Литовское государство еще не было готово. Король Сигизмунд Август ввязался в рискованную войну, имея достаточно внутренних проблем.

Пожалуй, серьезнейшую из них составляли конфессиональные распри. Н. Малиновский следующим образом охарактеризовал религиозную атмосферу тех лет в Польско-Литовском государстве: «Никогда ни до того, ни после того не было столь сильной розни по вопросам веры в Польше, чем в правление короля Августа...»¹³⁹ В то время в Короне соседствовало множество вероисповеданий: римско-католическое, православное, протестантское, григорианское, иудаизм, ислам и даже язычество – причем каждое из них разделялось на несколько течений, ересей, сект. Ненадолго духовенству удалось выпросить у короля привилегий, разрешавший казнить еретиков смертью. На сеймах шла жестокая распря о предметах церковной юрисдикции. Шляхта не желала говорить ни о каком отпоре неприятелю, прежде чем у духовенства не будет отобрано право суда над нею по делам об *odszczępienstw'e* (расколе веры). Папы Пий IV и Григорий XIII активно вмешивались в польский религиозно-политический конфликт, отправив к королевскому двору опытнейшего дипломата Коммендони. Тем не менее в середине XVI в. реформационные движения получили в Польше широкое распространение¹⁴⁰ и оттуда стремительно шагнули на литовские и белорусские земли. Протестантизм разного толка имел тогда в Великом княжестве Литовском сильного покровителя в особе королевича Сигизмунда Августа¹⁴¹, ставшего впоследствии королем. В самом Полоцке в конце 1550-х – начале 1560-х гг. возник кальвинистский сбор, разогнанный после прихода московских войск¹⁴².

Дополнительные сложности представляло дело окончательного объединения Польши и Литвы – политическая уния на новых условиях. Белорусско-литовская шляхта рассчитывала при помощи унии сравняться с польской. Напротив, магнаты Литвы сопротивлялись унии, не желая терять своего доминирующего положения в стране. Польская шляхта стремилась приобрести новые поместья в литовско-белорусских землях и получить прочный буфер для отра-

¹³⁷ *Валишевский К.* Иван Грозный. М., 1989. С. 215.

¹³⁸ Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. М., 1843. №№ 138–152.

¹³⁹ Вступительная статья Н. Малиновского // *Jan Albertrandi. Pamiętniki o dawniej Polsce... listy Jana Franciszka Commendoni do Karola Borromeusza.* Wilno, 1851. Т. 1. С. XXII–XXVI.

¹⁴⁰ *Czubiński A., Topolski J.* Historia Polski. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź (Ossolineum), 1988. С. 147–148; *Dzieje Polski.* Warszawa, 1978. С. 286–287.

¹⁴¹ История церквей гельветического исповедания в Литве. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1847. Кн. VIII. С. 1–4.

¹⁴² *Иванова Л.С.* Из истории реформационной церкви в Полоцке // *Гісторыя і археалогія Полацка і полацкай зямлі.* Полацк, 1992. С. 25.

жения московской опасности. Вопрос об объединении еще более усложнялся узаконенным неравноправием православной и католической шляхты. Напротив, дополнительным стимулом вступить в унию с Польшей была военная опасность со стороны Московского государства и татар. Польские историки стоят на той точке зрения, что в середине XVI столетия Литве грозила политическая катастрофа, и «...спасти ее могла только быстрая помощь Польши»¹⁴³. М.К. Любавский убедительно доказал, что именно Ливонская война повлияла на настроение умов в Великом княжестве Литовском в пользу унии¹⁴⁴. В 1562 г. литовско-белорусская шляхта организовала «конфедерацию», добивавшуюся унии с Польшей.

В такой ситуации Великое княжество Литовское было совершенно не в состоянии вести серьезные боевые действия. «Никто не поспешил» на сбор войск у гетмана Николая Радзивилла «ко дню св. Николая» в 1562 г. Сами польские историки признают тот факт, что приготовления к обороне шли в Литве очень медленно, и поход Ивана IV зимой 1562/63 г. был, как ни странно, неожиданным¹⁴⁵.

Таким образом, время для великого полоцкого похода было избрано весьма удачно.

В XV–XVII вв. московско-литовский рубеж находился в состоянии непрекращающейся полувойны. Удивительным было скорее не начало настоящей войны, а затянувшееся мирное время. Два чрезвычайно мощных государства в бесконечном территориальном споре руководствовались не столько абстрактными интересами, сколько конкретными возможностями нанести эффективный удар по противнику. Вопросы религии, национальности, исторической справедливости учитывались... наряду с вопросом принципиально иного свойства. С одной стороны литовско-московского рубежа была многочисленная, небогатая и потому алчная шляхта, а с другой – такой же небогатый и алчный и не менее воинственный «средний служилый класс», по терминологии Хелли¹⁴⁶. Именно они составляли боевое ядро литовской и русской армий. Их требовалось «кормить», а лучше всего «кормила» большая удачная война. С этой точки зрения понятен выбор Полоцка в качестве объекта для нанесения удара: Полоцк был богат, многолюден, имел большой торгово-ремесленный посад. В XVI в. это был крупнейший город на территории современной Белоруссии¹⁴⁷, т. е. Иван IV и его армия могли рассчитывать на огромную добычу, как, в сущности, и произошло.

Взятие Полоцка давало целый ряд дополнительных выгод, прекрасно охарактеризованных Одерборном: «[Иван] Васильевич в высшей степени жаждал захватить этот город по причине важного его положения, славы и величия, богатств, возможности безо всяких затрат содержать в нем войско, и, наконец, благоприятного случая совершать нападения глубже в литовские земли и осуществлять из Полоцка управление на большой территории...»¹⁴⁸ Действительно, вся Ливонская война велась «под лозунгом овладения наследием, якобы оставленным Августом-кесарем своему далекому потомку Рюриковичу»¹⁴⁹. Иван IV считал Ливонию и тем более западнорусские земли своим владением по праву. И слава Полоцка, центра древнего княжения, как нельзя более привлекала царя. С другой стороны, Полоцк нависал над южным

¹⁴³ Arnold S., Michalski J., Piwarski K. Historia Polski od polowy XV wieku do roku 1795. Warszawa, 1955. С. 30.

¹⁴⁴ Любавский М.К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 294–297.

¹⁴⁵ Mienicki R. Egzulanci Poloccy (1563–1580 г.) // Ateneum Wileńskie. Rocznik IX. Wilno, 1934. С. 34; Piwarski K. Niedoszła wprawa t. zw. Radoszkowicka Zygmunta Augusta na Moskwę (rok 1567—68) // Ateneum Wileńskie. Rok IV. Zeszty 13. 1927; Natanson-Leski J. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Lwów – Warszawa, 1922. С. 163.

¹⁴⁶ Hellie R. Enserfment and military change in Muscovy. Chicago, London, 1971. С. 267–268.

¹⁴⁷ Коржунов М. Карта военных действий между русскими и поляками в 1579 г. и тогдашние планы Полоцка и окрестных крепостей // ЖМНП. 1837. № 8. С. 6–7; Гейденштейн Р. Записки о московской войне (1578–1582). СПб., 1889. С. 50; Полоцк, Исторический очерк. Мн., 1987. С. 31.

¹⁴⁸ Oderborni P. Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI. Berlin – Petropolis. Т. II. С. 225.

¹⁴⁹ Хорошкевич А.Л. Опричнина и характер Русского государства в советской историографии 20-х – середины 50-х годов // История СССР. 1991. № 6. С. 85.

флангом русской группировки в Ливонии, откуда московские корпуса, осаждающие ливонские крепости, всегда могли получить страшный удар во фланг и тыл. Потеря же Полоцка Великим княжеством Литовским создавала непосредственную опасность для Вильно: в руках Ивана IV оказывался ключ от литовской столицы.

Впоследствии Стефан Баторий в первом своем походе против Московского государства опять-таки направил усилия на отвоевание Полоцка. Этот город позволял польско-литовскому монарху создать угрозу отсечения Ливонии от внутренних районов России и предоставлял отличный плацдарм для наступления на псковско-новгородские земли¹⁵⁰...

Иными словами, Полоцк оказался ключевой позицией на доске великой войны.

---

¹⁵⁰ *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578–1582). СПб., 1889. С. 43.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.